

Дарья Донцова

Майная связь его величества

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Тайная связь его величества

«ЭКСМО»

2014

Донцова Д. А.

Тайная связь его величества / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2014 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

Иван Подушкин вовсе не собирался ввязываться в очередное расследование! Он просто подвез домой милую пожилую даму по имени Стефания – она упала, сломав каблук, прямо рядом с его машиной. И, словно по закону подлости, обнаружил на ее уютной кухне... труп неизвестной женщины! Лучший друг Ивана, следователь полиции Макс Воронов, просто выпал в осадок при виде найденных в сумке погибшей вещей – шприц, нож и бордовый платок! Это же «орудия труда» маньяка, упущенного Максом на заре своей карьеры! Теперь уж Воронов расстарается, но узнает, связан ли маньяк и его жертвы с семьей Стефании. А кто ему поможет, если не Подушкин, ведь Тефи уже считает его лучшим другом? Дама попросила Ивана посетить недостроенный дом, в котором она хочет приобрести апартаменты. Там Тефи решила осмотреть неосвещенную кладовку. Ванечка отважно шагнул в полную темноту и вдруг... полетел куда-то вниз!

© Донцова Д. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	40
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Донцова

Тайная связь его величества

© Донцова Д.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Человек, желающий сделать вашу жизнь прекрасной, скорее всего превратит ее в невыносимую...

– Ваняшка, иди чаек пить! – донеслось из кухни.

– Спасибо, не хочу, – крикнул я в ответ.

Послышался громкий топот, дверь в кабинет без стука распахнулась, на пороге появилась женская фигура, замотанная в байковый темно-синий халат с рисунком из пронзительно зеленых роз. Замечательное одеяние украшали воротничок, связанный из красных катушечных ниток, такие же манжеты и широкая кайма, пришитая к подолу. Голову дамы, облаченной столь оригинальным образом, прикрывала косынка, и я знал, что под ней скрывается такая раритетная вещь, как круглые железные бигуди с желтыми резинками.

– Ваняшка! Полдничать надо обязательно, иначе язву заработаешь, – заявила вошедшая. – Вон у нас сосед, Ванька Луков, пил, в темную голову гулял, дрянь какую-то с огорода варил, потом ее нюхал, а может, ел, я за ним не подглядывала. И чего? Умер в двадцать шесть лет. А почему так рано сгорел? Ответ один: питался нерегулярно, значит, жиры, белки и углеводы в организм в достаточном количестве не поступали. Тезка он твой был! Задумайся, Ваняшка!

Я оторвался от книги.

– Спасибо, Таня, но мне пора бежать.

– В больницу намылился? – полюбопытствовала Татьяна. – Сделай одолжение, прихвати для Полинки передачку.

– Конечно, – с готовностью согласился я.

Татьяна развернулась и поспешила на кухню, бигуди на ее голове, стучаясь друг о друга, издавали тихое позвякивание.

Я вздохнул. Когда в последний раз я встречал даму в металлических бигудях? То есть я знаю, что правильно – в бигуди. Но... Может, в детстве? Вроде моя няня Таисия, теперь домработница Николетты, пользовалась такими. Маменька же никогда не фланировала по квартире в подобном виде, всегда делала укладку в парикмахерской. Интересно, к чему прибегают современные женщины, чтобы сделать прическу дома? Вот у Ники Сафроновой, с которой я недавно расстался, была в ванной какая-то штука, напоминающая щипцы, на нее она и накручивала волосы. Кажется, Никуша называла сию вещьцу утюгом. Но, видно, в городе Богдановске, откуда приехала семья Тани и Ильи Подушкиных, у дам по-прежнему в ходу металлические папильотки и чудовищные байковые халаты.

– Ваняшка, пакет в прихожей! – крикнула из кухни Татьяна. – Лоток с мясом надо сунуть в больничный холодильник, суп тоже, а пирог ни в коем случае на мороз не клади, противным станет.

Снова вздохнув, я взял свою сумку и направился в холл. Следом туда же явилась Таня, и наставления продолжились:

– Кулек непременно держи за обе ручки, а то оборвется, банки разобьются. Мясо положи на холод, щи тоже, а ватрушку с джемом оставь у Полинки в тумбочке.

Я начал завязывать ботинки.

– Мясо протухнет при комнатной температуре, – бубнила одно и то же жена Ильи, – первое от жары в палате загнет. Им нужна прохлада. А вот...

– Танюша, ты мне все это уже объяснила, – остановил я ее.

– И чего? – ухмыльнулась она. – Мужу, как ребенку малому, надо сто раз в уши вложить, чтобы запомнил. Ты молчишь, не отвечаешь, значит, о своем думаешь, планируешь, как с приятелями на рыбалку в выходные усвистеть. Ну, сообразил, как с говядиной поступить?

– Не волнуйся, – заверил я, – не подведу.

– Да, Ваня, ты человек ответственный, – похвалила меня Таня. – Спасибо тебе за все, что для нас делаешь.

Я смутился, неловко взял пакет за одну ручку, и та, естественно, оторвалась. Татьяна успела его подхватить и с укоризной протянула:

– Говорила же, брать надо за обе ручки... Ладно, я тебе матерчатую торбу дам. Сейчас принесу. – Она убежала, через пару секунд вернулась и скомандовала: – Ну-ка, ставь все сюда.

Я окинул взглядом жуткий, ядовито-розового цвета, мешок, на котором было что-то написано иероглифами, и попытался оказать сопротивление:

– Может, лучше взять другой пакет?

– Нет, Ваняшка, ты его тоже разорвешь, – сурово возразила жена Ильи. – А так я буду за еду спокойна. Кстати, заberi пустые банки, не оставляй их у Полинки в тумбочке.

– Обязательно, – смиренно пообещал я и отправился во двор к машине.

Не успел я подойти к своему автомобилю, как сверху раздался громогласный приказ Татьяны:

– Ваняшка! Порожние склянки прихвати, они удобные, пол-литровые!

Я поднял голову, увидел на балконе фигуру в халате и помахал рукой.

– Крышки не забудь! – надрывалась Таня. – Пластмассовые теперь не купить, а лучше их нету! Ваняшка, слышишь?

Я малодушно втянул голову в плечи, прыгнул за руль и быстро стартовал с места. Надеюсь, никто из жильцов старинного, тщательно отреставрированного дома, в котором не насчитается и десяти квартир, не увидел и не услышал Татьяну. И не заметил меня с ядовито-розовой торбой в руках. Не то чтобы я стеснялся неожиданно свалившихся на голову родственников, просто неудобно перед посторонними – в нашем доме как-то не принято орать с балкона наставления.

Только выехав на проспект, я выдохнул. Ну что ж, теперь надо объяснить, какие события произошли в жизни господина Подушкина и с чего вдруг в его квартире появились Илья и Татьяна.

Несколько месяцев назад Элеонора попросила меня помочь ей с одним делом. Я не мог отказать бывшей хозяйке, выполнил ее задание и – почувствовал себя полным идиотом. Ей-богу, у меня нет ни малейшего желания вспоминать те события¹, скажу лишь, что целую неделю я не знал, как быть, а когда наконец решился серьезно поговорить с Норой и пришел вечером к ней для беседы, увидел, что ей плохо: она едва смогла отпереть мне дверь и даже не села, а как бы стекла на стул в прихожей. Я испугался. А у Элеоноры один угол рта вдруг пополз вверх, она криво улыбнулась, ее глаза стали детскими и какими-то непонимающими. Вот тут я перепугался до крайности и бросился звонить в «Скорую». Увы, я уже видел такое наивно-извиняющееся выражение лица у своего отца, писателя Павла Подушкина, когда с ним случился инсульт.

В тот день я немедленно вызвал врачей. По дороге в больницу, куда я отправился в машине с мигалкой вместе с папенькой, помнится, я сказал немолодой докторше:

– Смотрите, отец улыбается, значит, у него ничего не болит.

Та лишь тяжело вздохнула, сделав вид, будто не слышала моих слов. А через день я узнал: такая односторонняя улыбка у пораженного ударом не предвещает ничего хорошего...

Элеонору оперативно поместили в интенсивную терапию, потом перевели в обычную палату. Сейчас ей лучше, она заново учится ходить и говорить. Моя бывшая хозяйка – боец по натуре и один раз уже реабилитировалась после инсульта, поэтому я уверен, что и сейчас она

¹ История, о которой сейчас упоминает Иван Павлович, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Смех и грех Ивана-царевича», издательство «Эксмо».

встанет на ноги. Я навещаю Нору через день, рассказываю ей о делах, которыми занимается наше детективное агентство.

Да, да, я живу в своей роскошной новой многокомнатной квартире, в здании, стоящем напротив дома Элеоноры, и, пока она выздоравливает, работаю с клиентами. В столе Норы нашлась генеральная доверенность на имя Ивана Павловича Подушкина, я имею право распоряжаться счетами владелицы агентства, подписывать за нее любые документы. Никаких бесед о князьях Винивитиновых-Бельских, о которых я намеревался поговорить, застав Нору в тяжелом состоянии, я, приходя в клинику, не заводил. И, как теперь понимаю, никогда заводить не стану. Дай бог Норе прожить еще много лет, а стресс, который неизбежно вызовет выяснение наших отношений, ей наверняка сильно навредит.

Примерно через две недели после того как Элеонора очутилась на больничной койке, в мою квартиру позвонили. Я распахнул дверь, увидел мужчину в дешевой китайской куртке, женщину в старомодном, слишком теплом для весны драповом пальто, ребенка лет девяти-десяти и решил, что эти люди ошиблись адресом. Но не успел ничего сказать. Отец семейства откашлялся и спросил:

– Вы Иван Подушкин?

– Да, – кивнул я, не понимая, почему баритон говорившего кажется мне таким родным, что прямо сердце щемит.

– Получается, я ваш двоюродный брат, – смущенно сказал гость. – Меня зовут Илья Подушкин, а это моя жена Таня и дочка Полина. Уж простите, никогда бы не решился вас побеспокоить, но мы попали в безвыходное положение.

Я постарался скрыть удивление, а мужчина привычным жестом провел пальцами по волосам, потом прищурился и вскинул подбородок. У меня в горле образовался тугой ком. Мой отец, Павел Иванович Подушкин, когда нервничал, делал точь-в-точь такие движения – сначала поправлял ладонью волосы, затем прикрывал на секунду глаза и вскидывал подбородок. Папенька всегда хорошо держал себя в руках, но я уже годам к семи понял: если он так делает, значит, он не в своей тарелке. И голос! Вот почему баритон неожиданного посетителя показался мне родным – у Ильи тот же тембр, что и у моего отца.

– Вы позвоните своей матери, – робко продолжил Илья, – она моих родителей знает. И Петра, и Наталью. Повторяю, я бы к вам не пришел, если бы у нас не случилась беда.

– Вот фотка... – подала голос спутница Ильи и вынула из сумки снимок.

– Мой отец, Петр Иванович, – продолжал мужчина, – эту фотографию перед смертью отдал мне и сказал: «Помнишь, давненько, тебе тогда восемнадцать исполнилось, мы в Москву ездили, жили на даче у моего младшего брата Павла Ивановича, знаменитого писателя?» Я кивнул, и отец договорил: «А его сын Иван – твой, получается, двоюродный брат. Он моложе тебя лет на пять-шесть. В шкафу в коробке с документами лежит адрес Ивана и его матери Николетты. В друзья к ним не напрашивайся, но контакт на всякий случай сохрани». Иван, вы меня не помните? Виделись же один раз.

– Извините, нет, – честно ответил я. – И, простите, я понятия не имел, что у отца был брат. Судя по снимку, разница в возрасте у Павла с Петром небольшая и они очень похожи внешне. Да и одежда у них одинаковая.

– Это их папаша, ваш дед, отвел братьев в студию фоткаться, в то время мобильных-то с камерами еще не было, – пояснила Татьяна. – У Петра Ивановича еще другая карточка сохранилась, где он один с машинкой в руке.

Я кивнул.

– И у Павла Ивановича есть такой портрет. Он в кабинете, на полке с книгами стоял. Заходите, пожалуйста. Хотите чаю?

Пока неожиданные гости мыли руки и приводили себя в порядок, я быстренько звякнул Таисии, домработнице Николетты. Конечно, следовало поговорить с маменькой, но она гостит

в Америке у своей сестры, поэтому вопрос: «Скажи, слышала ли ты когда-нибудь о том, что у Павла Ивановича есть брат?» – я задал бывшей няне. Та, несмотря на почтенный возраст, память не растеряла.

– А ты чего спрашиваешь, Ваня? – тут же поинтересовалась она.

– Просто ответь, знаешь что-нибудь про Петра Подушкина? – не сдался я.

– Ну, – протянула Таисия, – это история давняя, былшем поросла, потом трава пожелтела, сгорела, пеплом рассыпалась... Твой дед от сына своего Петра отрекся и Павлу, второму сыну, велел с ним не общаться. И правильно сделал! Неудачный у него старший отпрыск был – учиться не хотел, безобразничал, в тюрьму попал. Людей он обокрал, залез к ним в квартиру, деньги вынес. Думаю, поэтому Иван Павлович, твой дедушка, так рано умер! Петра посадили. А спустя много лет он с сыном к нам на дачу погостить приезжал. Вот уж осчастливили! Николай тогда на югах загорала, в Авдеевке нас трое было: Павел Иванович, ты да я. Мне хозяин строго приказал: «Ване не говори, что Петр ему родной дядя. Начнет мальчик интересоваться, кто к нам приехал, отвечай: «Старый приятель отца, они вместе в институте учились, живет он в провинции, сейчас заболел, приехал лечиться в столицу, на гостиницу денег у него нет, я его пригласил к нам». Но ты интереса не проявил, радовался, что мамаша смылась, суаре свои бесконечные не затевает, тебе костюм натягивать не велит, не надо ручки ее подружкам целовать, обезьянкой прыгать. Впился ты, Ваняшка, в свои книжки, а чтобы не отвлекали, в домике на дереве сидел. Помнишь сооружение-то?

– Да, – засмеялся я. – Его на огромном дубе Иосиф Петрович, шофер отца, смастерил. Там были софа и столик, и мне, подростку, это убежище казалось лучшим местом на свете.

– Во-во, – перебила Таисия, – ты там и поселился. Спасибо, кстати, соседям, дуб-то на их территории рос. Иосиф, светлая ему память, построил тебе хатку и лишь потом допер: дерево-то не наше! И чего делать? Тебе там сразу понравилось, уходить не хотел. Павел Иванович пошел к соседям, а те, хоть мы ни с кем в Авдеевке не ручкались, ответили: «Нам ребенок не мешает. Пусть сколько хочет наверху сидит, мы на тот край участка не ходим». Сам знаешь, какие у нас в Авдеевке участки, по гектару, не шесть соток. Приличные люди оказались, они потом дом продали и уехали. В общем, ты читал, а твой двоюродный братец... Вот уж хулиган был! Такой противный парень. Лет ему достаточно было, то ли восемнадцать, то ли девятнадцать, а полный дурак, носился по деревне, с местными шалопаями дружбу свел, попытался шпану к нам на дачу пригласить, но получил от меня по затылку. Какая-то у него проблема со здоровьем была, с желудком, что ли, поэтому придурка в армию не взяли, он вроде в техникуме учился. А Петра, отца его, кашель бил, он прямо заходилась весь. Я, помнится, на хозяина крепко осерчала – впустил в дом убогих, вдруг они нашего мальчика заразят... Да еще Павел Иванович, добрая душа, отдал племяннику свой новый дорожный фотоаппарат, в Германии за немалые деньги купленный. Такая вещь поганцу досталась! В общем, пожалел Павел Иванович недомерка, племянник-то его в свои года ростом с тебя, двенадцатилетнего, был, тощий. Как он тот фотик схватил! На шею повесил, везде с ним таскался, даже за стол с ним садился. Понятное дело, воспитанием дурака никто не занимался... А почему ты интересуешься?

– Ни отец, ни маменька никогда не упоминали о близких родственниках, – ответил я. – И я ничего не помню об их визите в Авдеевку.

– А зачем тебе о кривой ветке в семье знать-то? – возмутилась Таисия. – Ваня, где ты про Петра услышал?

Я быстро отсоединился, отключил звук у телефона и отправился поить гостей чаем.

Съев гору бутербродов, Таня и Илья рассказали, что за беда у них случилась.

...Полгода назад их десятилетняя дочь Полина, отличница, умница, гордость мамы с папой и школьных учителей, звезда местной секции художественной гимнастики, никогда ранее не болевшая ничем, кроме легкой простуды, подцепила затяжную ангину, из которой никак не могла вылезти. У девочки появилась слабость, пропал аппетит, она похудела, поблед-

нела, и мать повела малышку к местному педиатру. Богдановск, где живет семья, маленький городок, клиника там тоже невелика, врач почесал в затылке и отправил Полину в районный медцентр. А там на Татьяну с ребенком странно посмотрели, велели сдать массу анализов и вручили направление в областную больницу. И только там матери сообщили, что у девочки лейкоз. Полину начали лечить, но лучше ей не становилось. Потом врач посоветовал купить одно очень дорогое лекарство. Родители расстарались, добыли деньги, Поле сделали массу уколов. Но в конце концов Илья понял: чтобы не потерять дочь, надо везти ее в Москву. Как он выбивал у местных начальников направление в столичную клинику – отдельная история, однако эпопея успешно завершилась, и Подушкины двинулись в Москву.

Ехали они в плацкартном вагоне, а когда вышли на привокзальную площадь, обнаружили: их обокрали, исчезли все припасенные деньги. Слава богу, злой человек не прихватил документы и драгоценное направление Полины на бесплатное лечение. Ее история болезни тоже осталась в целости и сохранности. Татьяна зарыдала, но Илья цыкнул на жену, велел ей тихо сидеть с Полей в зале ожидания и бросился в отделение полиции. Там, увидев бумаги больного ребенка, проявили сострадание. Правда, сразу предупредили, что вора вряд ли поймают. Один из полицейских отвел Подушкиных в кафе, где им дали бесплатный обед, и, пока они ели суп, спросил:

– Может, у вас кто знакомый в столице есть? Родственник какой?

– Нет, – вздохнул Илья.

– Двоюродный брат его тут живет, – вклинилась в беседу Татьяна. – Тоже Подушкин, звать его Иван Павлович, лет ему поменьше, чем мужу. Но мы с ним связь потеряли.

Через полчаса Илья получил от полицейского мой адрес...

– Вы не думайте, что мы пришли деньги кланчить или поселиться у вас, – завершил рассказ мой кузен. – Нам бы помыться с дороги и Полинку завтра к доктору определить, а там чего-нибудь придумаем.

– Пригрейте на одну ночь ребенка, – попросила Таня. – Дочке опасно на вокзале ночевать, еще простынет... Ее только завтра в клинику положат. Поезд неудачно приходит в Москву, в шесть вечера, а в больницу надо к восьми утра явиться. Мы на сутки номер в гостинице забронировали. Называется «Удобная», находится у вокзала и недорогая совсем, в вагонах старых устроена, купе там теперь номера. Но деньги-то украли! Мы с мужем в зале ожидания посним, не рассыплемся, а за Полиночку беспокоимся. Нельзя ей занедужить, в палату с насморком не поместят. Да и хуже дочке может стать. Полинка у нас аккуратная, кормить ее не надо, в девять спать ляжет, а в шесть утра мы девочку заберем. Я вам за приют окна помою, квартиру приберу, Илюша машину починить может, он рукастый, все умеет.

Я взглянул на тихую бледную малышку, которая молча сидела перед полной чашкой чая, и сказал:

– Вы все можете устроиться в гостевой комнате, там есть двуспальная кровать и диван. Сейчас дам вам чистое белье.

Таня заплакала, а Илья деловито произнес:

– Где тут инструменты хранятся? Дверь в кухню чутко перекосило, надо подправить...

Глава 2

Полину госпитализировали только через неделю, и за это время я зауважал девочку. Ей делали разные обследования, однако она ни разу не пожаловалась, не заплакала, не попросила ни игрушек, ни мороженого. Невооруженным глазом было видно, что малышке плохо, но она стоически выполняла школьные задания и помогала матери по хозяйству.

В четверг я решил порадовать ребенка – купил самую красивую, на мой взгляд, Барби в пышном розовом платье.

– Спасибо, Иван Павлович, – вежливо поблагодарила она меня.

Но я не увидел на ее лице радости и осведомился:

– Тебе не нравятся куклы?

– Что вы, – изобразила восторг Поля, – я давно о такой мечтала.

– Какие игрушки тебе по душе? – уточнил я. – Плюшевые?

Она смутилась.

– Лучше книги.

– Книги? – удивленно переспросил я. – Ты любишь читать? Около моего дома есть прекрасный магазин, называется «Новый книжный». Хочешь туда пойти?

Между стеллажами мы бродили почти два часа. Я с огромным изумлением выяснил, что девочка к своим десяти годам прочитала всю детскую классику и взялась за взрослую литературу. Когда мы проходили мимо полка с произведениями Эмиля Золя, Поля сказала:

– Мне у него понравился роман «Дамское счастье».

– Про большой магазин в центре Парижа? А ты знаешь, что он существует в реальности? – улыбнулся я. И чуть не поперхнулся. – Полина! Кто тебе дал роман Золя?

Девочка засмеялась.

– В школе у нас мало книг, я их все давно наизусть выучила. В Богдановске есть библиотека для взрослых, но детей туда не пускают. Я езжу заниматься гимнастикой в Реутов, это наш областной центр. Там меня по маминему паспорту записали на абонемент. Я говорю, что беру книжки не для себя, а для родителей. Врать, конечно, нехорошо, но уж очень читать охота.

– Пятикласснице выдали Золя? – возмутился я.

Полина кивнула.

– Почему нет? Бальзака, Мопассана, Диккенса тоже. Жаль, у них там совсем фантастики нет.

Я молча повел девочку туда, где стояли произведения Герберта Уэллса, Станислава Лема, Айзека Азимова и Рея Бредбери. О чем думают тетки, давая малышке не подходящие ей книги? Отчего не проверили, для маминого ли чтения романы? Ладно еще Диккенс – стиль этого писателя немного тяжеловат, однако большую часть его произведений можно считать чтением для школьников, но Золя, Бальзак, Мопассан... Они-то категорически не подходят для ребенка! Хорошо, что безответственные библиотекари не посоветовали Полине роман Куприна «Яма». Я не ханжа, но кое о каких вещах девочке не следует знать в десять лет.

Домой мы вернулись с тремя набитыми пакетами, и с ними же потом Полина уехала в больницу, где, как выяснилось, ей придется провести много дней.

По случайности частная клиника, где сейчас находится Нора, и городская больница, куда поместили Полю, расположены буквально на расстоянии вытянутой руки друг от друга. И я, навестив Элеонору, могу забежать к ребенку, к которому испытываю искреннее расположение.

Полина по своему менталитету и поведению весьма похожа на меня десятилетнего, стеснительного, замкнутого мальчика, больше всего на свете любившего читать. Правда, у меня был умный отец, который мог ответить на любые мои вопросы. Полина такой возможности лишена – Илья и Татьяна хорошие люди, но образованием не блещут. Мать старательно вну-

шает девочке, что та должна научиться хорошо вести домашнее хозяйство и удачно выйти замуж. А отец, придя с работы, ворчит:

– Полинка, ты опять уткнулась в книжку носом? Иди к папке, давай вместе телик посмотрим. Сейчас будет программа прикольная, посмеемся.

Я не оговорился: Илья устроился на службу. Его взяли в местный ДЭЗ рабочим, он действительно оказался мастером на все руки. Татьяна тоже не сидит без дела. На второй день пребывания в моей квартире она сказала:

– Ваша домработница лентяйка – по всем углам пыли полно, постельное белье неглаженным в шкаф сложено. А уж суп она вам сварила! Я такой пороссятам в корыто вылить постесняюсь. И ведь не стыдно бездельнице деньги за работу брать. Гоните вон эту лахудру, я сама наведу в доме порядок. Не отказывайтесь, не могу задарма у вас жить.

Через неделю мои апартаменты превратились в царство чистоты, а пара старых костюмов, которые я давно собирался выкинуть, стали вполне пригодными для носки.

Таня перестала в разговоре со мной «выкать», отбросила отчество, стала звать меня «Ваняшкой», заботится об мне, как о родном, да еще учит уму-разуму. Раздражает ли меня ее поведение? Нет.

Очень интересно наблюдать за людьми из другого социального круга, с совершенно иными привычками. Мои родственники честные, добрые и работающие. Татьяна никогда не скандалит, не перечит мужу, не злится на него, она действует тихой сапой и всегда добивается своего. А Илья считает себя хозяином, не задумываясь о том, что всякая голова сидит на вертящейся в разные стороны шее.

И еще. Знаете, Таня нравится мне намного больше, чем дочери подруг Николетты. Она не требует от супруга шуб, бриллиантов, апартаменты в Ницце, не транжирит деньги, не поглядывает в сторону других представителей сильного пола и не произносит фраз типа: «Вот Андрей своей Лене купил голубой «Бентли», а я у тебя на дешевеньком «Порше» второй год катаюсь». Кстати, Татьяна тоже нашла себе работу – пристроилась уборщицей в нескольких супермаркетах и носится бешеной белкой между ними со шваброй наперевес. Для меня остается загадкой, как она находит время на ведение домашнего хозяйства и почему ни разу не пожаловалась на усталость...

Я притормозил у частной клиники, где лежит Нора, навестил ее, потом пошел к Полине и обнаружил ее в расстроенных чувствах.

– Что случилось, милая? – спросил я, увидев, что у нее красные глаза и распухший нос.

– Меня переводят в другую палату, – ответила малышка. – В чистую.

– Эта вроде тоже не грязная, – улыбнулся я, – уютная, вас тут трое, вместе веселее.

Полина опустила глаза, а ее соседка Катя пояснила:

– Чистая – это стерильная. Поле будут сильные лекарства давать, курсом, к операции готовить. Ей нельзя ничем заразиться. В чистую палату посетителей не пускают, туда может только врач и медсестра войти. Книги брать нельзя, разрешается айпад, но без вай-фая, с одними игрушками. Полинка из-за своих книжек рыдала, ей читать нечего будет. Можно было гору повестушек в планшетник закачать, но у нее его нет. И нас тут теперь не трое, а двое – Олю вчера ночью увезли, сказали, в особую больницу переводят. Ага, а то мы дуры, не понимаем, что она умерла. Тут все подохнут!

Катя вскочила и выбежала в коридор. На секунду меня охватил ужас, но я затоптал его.

– Поля, сейчас я куплю и принесу тебе айпад. У метро есть магазин.

– Не надо, дядя Ваня, – ответила девочка, – он очень дорогой. У мамы с папой с деньгами трудно, запаса нет.

Я улыбнулся.

– Слово «инвестиция» знаешь?

– Вложение денег куда-то, что впоследствии принесет прибыль, – прозвучал четкий ответ.

– Я куплю планшетник, но не в подарок, это будет инвестиция в мою благополучную старость, – продолжал я. – Представь себе картинку: в девяносто девять лет Иван Павлович Подушкин ослабеет глазами и тогда прокряхтит: «Полина, помнишь планшетник? Пора отрабатывать его, садись и читай мне вслух». Ну, договорились?

Поля печально усмехнулась.

– Дядя Ваня, вы меня маленькой считаете? Я навряд ли увижу вас стареньким, от моей болезни быстро умирают. Да и у меня на ладони линия жизни короткая. Но если удастся выжить, я с вами и без айпада сидеть буду.

В мою душу вновь вполз ужас, я взял Полю за плечо.

– От кого ты слышала глупость про линию жизни?

– От сестры Егора Маркова, которая всем гадает, – вздохнула девочка.

Я погладил ее по голове.

– А про больничную фею она не говорила?

– Нет, – улыбнулась Поля. – Дядя Ваня, волшебники – выдумка.

Тогда я сгреб в охапку всю полученную по наследству от отца-писателя фантазию и постарался говорить убедительно.

– Речь идет об эффекте Пирогова. Слышала о великом хирурге?

– Он во время войны тысяча восемьсот сорок седьмого года придумал наркоз, – кивнула умная школьница. – Я читала книгу о знаменитых докторях.

– Молодец! – искренне похвалил я малышку. – Так вот, Николай Иванович Пиров заметил, что у некоторых раненых линия жизни на руке перед операцией делается ярче, а порой и длиннее, и эти мужчины всегда, каким бы безнадежным ни казалось их состояние, поправлялись. В девятнадцатом веке ничего, конечно, не слышали о торсионно-эмульсионном поле, о волнах Кравчука и о... погоди, ты учишь физику?

– Пока нет, – покачала головой Полина.

– Может, какую-то научную литературу читала? – не успокаивался я.

– Не-а, – улыбнулась девочка.

Обрадовавшись отрицательному ответу, я перевел дух. Это очень хорошо, что Полина еще не брала в руки прекрасные книги Якова Перельмана². Значит, можно врать дальше, главное – произносить побольше разных терминов, пусть и несуществующих.

Я разливался соловьем минут десять. Выражения «биоэнергетическое астральное поле», «эффект Шнеерзона-Макорлик», «электронно-позитронное обучение», «нейтрино в квантовом пространстве» легко слетали с языка, приходилось лишь удивляться собственной фантазии. Лекцию я завершил пассажем:

– Малограмотные люди называют это явление волшебством больничной феи, но ты теперь понимаешь, что в таких случаях имеет место энергетическое воздействие. Оно бывает редко, но если происходит, то гарантирует стопроцентное восстановление здоровья навсегда. Мне кажется, на твоей руке линия жизни начинает слегка изменяться.

Полина поднесла к глазам ладошку и прищурилась.

– Сейчас вернусь, – пообещал я, вышел из палаты и опрометью кинулся к лифту.

Только бы нужные мне вещи нашлись в ближайшем торговом центре!

Я выбежал во двор больницы и услышал возглас:

– Простите, молодой человек, помогите, пожалуйста!

² Яков Исидорович Перельман (1882–1942) – ученый, один из основоположников жанра научно-популярной литературы, автор понятия «научно-фантастическое». Написал большое число книг – «Занимательная геометрия», «Занимательная математика», «Знаете ли вы физику?», «Занимательная арифметика» и др. (Прим. автора.)

Краем глаза я увидел пожилую даму в элегантном светло-бежевом пальто с ярким розовым шарфом, но, не остановившись, полетел дальше.

Мне не свойственно проноситься мимо тех, кто просит о помощи, однако сегодня особенный день.

Глава 3

Слава богу, на первом этаже магазина я легко приобрел айпад, а продавец любезно согласился закачать туда книги по моему списку и с десятков игр, подходящих для пятиклассницы. Пока планшетник заполнялся, я сбегал еще в пару отделов, потом, схватив пакеты с покупками, со скоростью боевого слона вернулся в больницу. А там быстрым шагом поспешил к лифту и – налетел на пожилую даму в дорогом светло-бежевом пальто с ярко-розовым кашне.

– Ой! – воскликнула незнакомка. – Постойте, вы...

– Простите, – бросил я и заскочил в кабину лифта.

Полина очень обрадовалась планшетнику. Мы с полчаса изучали его, и я стал прощаться.

– Дядя Ваня, – прошептала Поля, когда я поцеловал ее в макушку, – знаешь, вроде моя линия жизни чуть темнее, чем вчера.

– Мне тоже так показалось, – тихо произнес я. – Только никому о больничной фее не рассказывай. Не надо, тебя не поймут. А через пару дней станет ясно, что с ладошкой происходит.

Полечка заулыбалась. Я вышел в коридор и отправился искать медсестру, которая имеет право входа в чистую палату.

Милая девушка в светло-зеленой «пижамке» подтвердила, что айпад можно взять туда, но разрешение на это дает доктор. Я поговорил с лечащим врачом Полины и услышал от него:

– Положение девочки серьезное, но не безнадежное. Сейчас не конец восьмидесятых, когда большинство детей с такой проблемой, как у вашей племянницы, умирало. Теперь мы имеем обратную картину: девяносто пять заболевших из ста выздоравливают.

Меня зазнобило.

– А остальные пять?

Врач снял очки и начал протирать их салфеткой.

– Люди ведь и от насморка умирают... Вы же образованный человек, понимаете, что нет таких болезней, про которые можно сказать: «Абсолютно все встанут на ноги». В вашем случае очень важен положительный настрой. Ребенок считывает эмоции взрослых и, почувствовав испуг родных, может удариться в панику. Думайте о хорошем. Пусть Полина возьмет с собой айпад, а вот свидания с ней теперь будут проходить через стекло, – одна стена там прозрачная.

Попрощавшись с доктором, я нашел палату, в которой лежал Марков, и спросил у мальчиков:

– Где сестра Егора?

– К холодильнику пошла, – хором ответили дети.

Я незамедлительно двинулся к пищеблоку. В небольшой комнатухе увидел донельзя размазанную девицу лет двадцати и задал ей вопрос:

– Это вы гадаете по руке?

– И че? – прищурилась «красавица».

– Немедленно прекратите заниматься глупостями! – потребовал я. – Иначе...

– Чего? – заржала мерзавка. – Ну и че ты сделаешь-то? Че тебе вообще-то надо? Чего быкуешь?

У меня потемнело в глазах. Я схватил мерзавку за плечи, прижал к стене, пару раз крепко встряхнул и прошипел:

– А ниче! Услышу еще раз, что ты предсказываешь больным смерть, засуну башкой в сортир и замочу. Вы поняли, мадам, перспективу?

– Ой, дяденька, отпустите! – захныкало чудовище. – Больше не буду-у-у-у!

Я опомнился, разжал трясущиеся руки и покинул комнату.

В лифте мне стало стыдно. Господи, Иван Павлович, как ты мог напасть на девушку да еще пообещать замочить ее в сортире?

Ругая себя на все лады, я добрался до машины. Открыл дверь, услышал громкий вскрик, оглянулся и увидел лежащую на асфальте пожилую даму в светло-бежевом пальто с розовым шарфом. Чуть поодаль валялась дорогушая сумочка, продав которую среднестатистическая российская семья спокойно могла бы прожить около года.

Я бросился на помощь к потерпевшей бедствие.

– Вы ушиблись?

– Вроде нет, – ответила незнакомка, – у меня ничего не болит. Не понимаю, почему я упала? Спокойно шла к метро, и вдруг – раз! – правая нога подвернулась. Сделайте любезность, помогите мне встать.

Я осторожно придал пострадавшей вертикальное положение и попросил:

– Попробуйте сделать шаг.

– Как вас зовут? – поинтересовалась она, не двигаясь с места.

– Иван Павлович Подушкин, – представился я.

– Стефания Теодоровна Гусева, – улыбнулась дама. – Рада знакомству, хотя оно произошло не при самых приятных обстоятельствах. Итак, я попытаюсь двинуться вперед. Разрешите опереться на ваш локоть? Раз...

Стефания Теодоровна покачнулась, начала заваливаться, но я успел удержать ее и предложил:

– В ста метрах отсюда вход в медцентр. Давайте зайдем туда.

– Нет-нет! – возразила дама. – От сей больницы лучше держаться подальше, я там сегодня уже натерпелась страха. Понимаете, пошла на прошлой неделе в институт красоты – хотела родинку над губой удалить, а косметолог велела сначала ее онкологу показать. Я чуть от страха не умерла, пока в очереди сидела! Слава богу, ничего плохого у меня нет, но больше я в это медучреждение входить не желаю. И голова у меня совсем не кружится, и сердце не болит, полный порядок со здоровьем.

– Это хорошо, – обрадовался я. – Но почему тогда вы теряете равновесие?

– У меня такое странное ощущение, – пробормотала Стефания Теодоровна, – будто правая нога стала короче левой, причем намного.

Я наклонился, посмотрел на лаковые сапожки, в которые была обута дама, и рассмеялся.

– Что там забавного? – поинтересовалась Гусева.

– Вы сломали каблук, он отвалился от подошвы, – пояснил я. – Не очень хорошая новость, но в данном случае радостная. Лучше поплатиться обувью, чем здоровьем.

– Ну и ну! Всего месяц назад я купила ботильоны в фирменном магазине, а они такие непрочные оказались! – возмутилась моя новая знакомая. – Никогда ранее не имела проблем с данным брендом. Однако все на свете портится, вот и итальянские обувчики схалтурили. Можно вас попросить еще об одном одолжении? Проводите меня до метро.

– Вы не сможете воспользоваться подземкой, – возразил я. – Как пойдете по ступенькам, переходам?

– На цыпочках! – заявила Стефания Теодоровна.

– У вас есть кто-нибудь из близких? – осведомился я.

– Полный дом, – махнула рукой Гусева.

– Можно позвонить им. А мы в кафе подождем, пока за вами приедут, – предложил я.

– Ой! Ни в коем случае! – испугалась дама. – Видите ли, Иван Павлович, я ни одной душе не сообщила, куда отправилась. Соврала, что хочу пойти к косметологу, а потом пробежаться по магазинам. Игорь с невесткой, услышав название медцентра, испугаются, Кирилл за сердце схватится. Сыновья меня обожают, Вера с меня пылинки сдувает. Бесплезно потом говорить, что все в порядке и я не больна. Дети себя до инфаркта доведут!

– Давайте я сам отвезу вас домой, – предложил я.

– Ой! Здорово! – по-детски обрадовалась пожилая дама. И тут же спохватилась: – А вы не заняты?

– Нет, – улыбнулся я.

– Боже, вот мне повезло! – захлопала в ладоши Гусева. – А где ваш автомобиль?

Я подвел Стефанию Теодоровну к машине.

– Она прекрасна! – восхитилась новая знакомая, усаживаясь на сиденье. – Цвет прелестный, салон удобный, и совсем новая, пахнет, как из магазина. Наверное, мама подарила? А жена помогала выбирать?

– Вы правы, седан приобретен недавно, – ответил я. – Но по моим представлениям, справив восемнадцатилетие, мужчина обязан зарабатывать сам, ему нельзя кланчить деньги у родителей. А жены у меня нет.

Стефания Теодоровна хихикнула.

– Учитывая, что вы, дружок, годитесь мне во внуки, думаю, уместно будет называть вас просто Ванечкой. Вы не против?

– Конечно, нет, – улыбнулся я. – Но зваться вашим внуком у меня никак не получится. Скорей уж сыном, рожденным вами лет этак в четырнадцать.

Гусева погрозила мне пальцем.

– Ох, хитрец! И ведь я понимаю, что вы льстите мне из хорошего воспитания, а все равно приятно. Нас, женщин, легко поймать на крючок комплиментов. А насчет супруги... Не торопитесь, Ванечка, хомут на шею вешать, гуляйте, пока молодой. Стукнет шестьдесят, тогда и подыщите невесту. Мужчина всегда жених.

– Все подружки моей матери Николетты говорят обратное, – засмеялся я, садясь за руль и заводя двигатель. – Они буквально мечтают затащить меня под венец.

– Так у них, наверное, дочки на выданье, – округлила глаза Стефания Теодоровна. – Ванечка, раз уж мы отбросили ваше отчество, то и о моем забудем, зовите меня Тефи. Кстати, я никогда не подталкивала своих сыновей к загсу, наоборот, советовала не спешить с женитьбой. Кирилл до сих пор холост, а вот старший, Игорь, давно женат. И знаете, Ванечка, иногда во время обеда мне Веру, невестку, отравить хочется. Сидит, нудит, словно шестидесятилетняя бабка: «Еда должна быть здоровой, занимайтесь спортом, спать лучше на жестком, шоколад вреден, колбаса вредна, яйца вредны...» Склоняет слово «вредный» по всем падежам.

Гусева засмеялась и начала оглядываться.

– Не советую пользоваться ядом, – пробормотал я, трогаясь с места. – Отраву легко обнаружат при токсикологическом анализе, его часто делают в случае насильственной смерти.

Моя спутница подпрыгнула на сиденье.

– Вы полицейский? Обожаю детективные романы и сериалы! Или вы работаете экспертом и ползаете на коленях вокруг найденного в лесу трупа с ватной палочкой в руках?

Я перестроился вправо.

– Боюсь вас разочаровать, но – нет.

– А кем служите? – любопытствовала дама.

– Продюсером, – не моргнув глазом солгал я, не желая рассказывать, что являюсь совладельцем детективного агентства.

– О-о-о... – протянула Тефи. – Очень выгодное занятие. Ой, а куда подевалась моя сумочка? Черт! Забыла ее там, где упала.

Я быстро начал уходить влево.

– Ванечка, нам прямо, – забеспокоилась дама, – мы уже почти приехали. Вон там, видите, жуткое бочкообразное здание торчит? Это торговый центр около нашего дома. Надо же, не попали в пробку, долетели быстро.

– Чтобы поехать назад, надо развернуться, – объяснил я.

– Нет, нет, – возразила Тефи, – не стоит напрягаться. Ридикюльчик наверняка давно обрел другого хозяина. Новая сумочка от Шанель долго в одиночестве на асфальте не пролежит.

– Ваша правда, – согласился я и вернулся в правый ряд. – Надеюсь, внутри не было ничего ценного? Деньги, документы...

– Паспорт дома, – радостно сообщила Гусева. – После того как я четвертый по счету посеяла, невестка спрятала пятый в своем кабинете. Что у меня было в «шанельке»? Кошелек с кредитками, наличных тысяч десять, косметичка, телефон – в общем, ерунда. О! Нет!

Моя пассажирка прижала ладони к щекам. Я быстро припарковался около торгового центра.

– Вспомнили о какой-то ценной пропаже? Может, все-таки вернуться? Вдруг сумка еще ждет вас?

– На ключах от квартиры был брелок – маленькая плюшевая собачка, вылитый Боня. Я приобрела его в Милане. Очень его любила! – с самым несчастным видом произнесла моя спутница.

Мне стало смешно. Пропажу портмоне с пластиковыми картами, приличной суммой наличкой, а в придачу мобильного Стефания Теодоровна посчитала пустяком. И потеря, как она выразилась, «шанельки» тоже ее не огорчила. А вот мысль об исчезнувшей копеечной игрушке ввергла даму в пучину горя. Кстати, о ключах от квартиры. О них Гусева, перечисляя содержимое ридикюля, и не вспомнила, упомянула о связке лишь в связи с плюшевым Боней.

Тефи закрыла лицо руками и всхлипнула.

А надо вам признаться, что вид женщины, собравшейся зарыдать, всегда вызывает у меня панику и желание мгновенно утешить даму.

– Стефания Теодоровна, давайте зайдем в магазин и купим нового Боню, – предложил я.

Тут же опустив руки, моя спутница заулыбалась.

– О! Прекрасная идея! Побежали! Вернее, поплелись, мне ведь придется идти на цыпочках. Знаете, Ванечка, в любой беде есть много положительных моментов. Вот, например, сломанный каблук. Вера увидит его и начнет гундеть: «Надо ходить медленно, носить балетки на плоской подошве...» ну и дальше – бу-бу и гу-гу! Я, по ее мнению, посыпанная пеплом старуха, которой положено шаркать в фетровых ботах. Понимаете, дружок, моя невестка намного моложе меня, но так плохо видит! У нее сильная близорукость, Вера вечно щурится, может мимо знакомого пройти и не поздороваться. Однако очки не носит, потому что ей все оправы не нравятся. Вот она какая – ведет жизнь совы, белым днем полуслепая, а меня упрекает за модные туфельки на шпильке. На мой взгляд, если сама отказываешься страхолудство на нос водружать, не советуй другим дерьмодавы надевать.

Тефи надула губы, но вновь весело улыбнулась.

– Но я не только каблук сломала, а еще и сумочку посеяла! Понимаете мою радость?

– Нет, – признался я.

Стефания Теодоровна засмеялась.

– Ванечка, это же просто! Вот смотрите. Приду домой и расскажу: «На меня в торговом центре напал вор, дернул сумочку, побежал. Я кинулась за ним, споткнулась о кирпич, упала, каблук отвалился. И тут незнакомый рыцарь схватил преступника, раз-раз-раз, побил его, отнял «шанельку», вернул мне, проводил домой». Здорово, правда? Никто не догадается, что я ездила в страшную больницу.

– Тефи, навряд ли на полу в торговом центре валяются кирпичи, – еле сдерживая смех, сказал я. – И в вашей занимательной истории есть еще одна неувязочка. Если рыцарь вернул украденное, то почему сумочки нет с вами?

Тефи приоткрыла рот, помолчала и сделала вывод:

– Надо подкорректировать сюжет.

– Давайте лучше поищем нового Боню, – напомнил я.

Стефания Теодоровна захлопала в ладоши.

– Да, да! Чудесненько! Ой, как же все потрясающе складывается! Ванечка, купим мне зеленую свинку из сердитых птичек. Видела ее в витрине, но пока не приобрела.

– Кого? – не понял я.

– Вы не играете на компьютере? – поразилась Тефи.

– Вы увлекаетесь электронными играми? – в свою очередь удивился я.

– Конечно, – гордо подтвердила моя новая знакомая. – Более того, являюсь членом онлайн-геймцентра. Но свой ник тебе не скажу, и не проси, я в десятке лучших игроков. Хи, хи... Они там думают, что «Kukolka-один» девочка тринадцати лет, и вечно пристают с вопросами: «Как ты сундук открыла?», «Куда надо идти, чтобы в пещеру попасть?» Умора!

Мне пришлось сделать усилие, чтобы не рассмеяться в голос. Нет, члены онлайн-геймцентра ошибаются, думая, что Тефи тринадцать, ей от силы девять лет.

Глава 4

Здание, в котором жила Стефания Теодоровна, напоминало то, где с недавнего времени обитаю я. Дом построили, похоже, в конце девятнадцатого века, а недавно тщательно отреставрировали. В просторном подъезде, где тут и там стояли кадки с живыми растениями, дежурила пара парней в черной форме, а лестница, по которой, проигнорировав лифт, стала подниматься моя спутница, была из розового мрамора. Под ступеньки были и перила из бронзы, и элегантные бра на стенах, и симпатичные пейзажи в позолоченных багетных рамах.

– Пришли, – весело объявила Гусева, останавливаясь на втором этаже. – В доме всего пять квартир, одна над другой. Но сейчас, кроме нас, тут никто не живет, соседи давным-давно разлетелись по заграницам. Получился у моей семьи свой особнячок. Дзынь-дзынь, пустите домой! Хм, не открывают...

Тефи начала стучать в дверь кулаком, потом ногами.

– Да что они там делают? Заснули?

Массивная дверь минут через десять распахнулась, появился худощавый, лысоватый, невысокого роста мужчина в очках, на шее у него висели наушники, явно только что снятые с головы.

– Мама? – закричал он. – Уже вернулась?

– Игоречек, почему ты изумлен? – задала свой вопрос Тефи, входя в холл. – Я всегда возвращаюсь домой.

– Просто ты сказала, что пойдешь, как всегда, к косметологу и прошвырнешься по бутикам, – пояснил сын. – Как правило, эта программа завершается около девяти вечера. Я даю урок по скайпу. Почему ты звонила? Где твои ключи? Ты хромаешь? И, простите, вы кто?

Последний вопрос адресовался мне, но я не успел произнести ни слова. Стефания Теодоровна села на диванчик, вытянула вперед ногу, обутую в сапожок без каблука, и принялась тараторить как сорока:

– Знакомься, Гарик. Иван Павлович Подушкин, продюсер, мой спаситель. В салон я не попала, решила в магазинчиках пошуровать. И тут... представляешь...

Тефи картинно взмахнула руками, вздернула подбородок и зачастила еще быстрее:

– Иду себе спокойненько, вдруг кто-то мою сумку с плеча сдергивает и бежать. Я завором кинулась, зацепилась ботильоном о бродячую кошку, сломала каблук, расстроилась. И тут Ванечка аки коршун бросился на преступника. Бац, бац, бац его головой о стену. Отнял мою «шанельку». Вот только потом пришла полиция и сумку со всем содержимым забрала как улику. Отдадут года через три, когда бандита осудят. Надо в банк позвонить, кредитки заблокировать. Представляешь, в «шанельке» лежали ключики с Боней. Я заплакала, поняв, что с песиком проститься придется. Но Ванечка купил мне нового щенка.

Игорь явно испугался.

– Мама! Кто такой Боня? И нам нельзя заводить собак. Ты же знаешь, у Веры аллергия на шерсть.

Тефи обиженно надула губы.

– Гарик, ты забыл Боню? Я его в Милане купила. Теперь обзавелась Пафи, вот он.

Стефания Теодоровна сунула сыну под нос крошечный пакетик, и Игорь, заглянув внутрь, с облегчением выдохнул:

– Уфф!

– Где Вера? – поинтересовалась мать.

– Наверное, на работе, – пожал плечами сын. – Сказал уже, я вел урок по скайпу. Как всегда, сидел в наушниках, звонков не слышал. Потом ученик дал понять, что кто-то в квартиру войти хочет, – руками замахал. Пришлось занятие прервать.

– Побегу поставлю чайник, – пропела Тефи. – Ванечка, вы приглашены на ужин. Чем так приятно пахнет? Вроде пирогами.

Стефания Теодоровна унеслась в глубь квартиры. Мы с Гариком остались вдвоем, повисла неловкая пауза, хозяин первым ее нарушил:

– Игорь Гусев, ювелир.

– Иван Подушкин, продюсер цирковых коллективов, – представился я. – Ваша матушка... Э...

– Здорово приврала, – договорил за меня Гарик. – Правда, на ее взгляд, вещь скучная, неинтересная. Ну что увлекательного в простом падении на улице? Она же шлепнулась?

Я кивнул. Гарик почесал макушку.

– Мать всегда бежит, глаза по сторонам, под ноги не смотрит. «Шанельку» свою она небось потеряла?

– Это моя вина, – я решил слегка оправдать пожилую даму. – Стефания Теодоровна испугалась, когда упала и сломала каблук. Сумка отлетела в сторону. Я посадил ее в машину и повез домой, а про ридикюль забыл. Не ругайте мать, она женщина в возрасте, для нее и так все произошедшее стресс.

– Мать бесполезно отчитывать, – усмехнулся Гарик. – Когда я был маленьким, она, если няня заболела, кормила меня на обед шоколадными кексами, приговаривая: «Если хочешь куриный суп, сейчас разогрею». Понятное дело, я не испытывал желания есть первое, сладкая выпечка намного вкуснее. Отец с ней никогда не спорил, понимал бессмысленность процесса.

Из глубины квартиры послышался грохот.

– Мама, что случилось? – закричал Игорь и поспешил вперед по коридору.

Я, встревоженный установившейся после шума гробовой тишиной, двинулся за ним. В просторной кухне у столика с электрочайником стояла Стефания Теодоровна, закрыв глаза руками.

– Тебе плохо? – занервничал Гарик. Затем приблизился к матери и вдруг заорал: – Что это? Это что?

Я подошел к ювелиру и увидел на полу мужчину в джинсах и серо-синем пуловере. Он лежал на боку, спиной к нам, под его коротко стриженной головой разливалось темно-бордовое пятно.

– Ой! – вдруг вскрикнула Тефи. – Больно!

– Что? Где? Как? – беспорядочно забормотал Гарик.

– Поясница... – прошептала Стефания Теодоровна, – жжет...

Я опомнился, повернулся к Гусевой, заметил, что та прислонилась к плите, и скомандовал:

– Игорь, отведите маму в спальню. Похоже, она прикоснулась к работающей плите. Посмотрите, нет ли ожога.

Словно в подтверждение моих слов раздался писк таймера, возвещающий о готовности блюда.

– Куда? Зачем? – бестолково продолжал вопрошать Игорь. – Это что? На полу?

Я повысил голос:

– Немедленно заберите отсюда Тефи!

– Да, да, конечно, – очнулся Гусев и, взяв мать за руку, потащил ее в коридор.

Выдохнув, я огляделся по сторонам. Увидел на столике гору смятых пустых пакетов из супермаркета, вытащил два, обмотал ими ступни, обошел тело, присел около головы на корточки. Стало ясно: на полу лежит не мужчина, а женщина с экстремально коротко стриженными волосами и крепкой спортивной фигурой. Остановившийся взгляд слегка прикрытых глаз не оставлял сомнений – несчастная умерла, вызов «Скорой» бесполезен. Я выпрямился, достал мобильник и позвонил Максиму.

Узнав, в какую ситуацию я попал, Воронов скомандовал:

– Сейчас приедем, говори адрес. Не подпускай никого к месту преступления, и сам там не топчись, руками ничего не лапай, сиди тихо.

Я отошел от трупa, ощутил жажду и решил, что беды не будет, если я хлебну водички. Возле мойки стояло несколько бутылок минералки, пара пакетов молока, две банки сметаны, лежали яблоки в сетке, пачки творога, коробка с замороженным тестом, какие-то специи в прозрачных мешочках, лоток с нарезанной ветчиной, сосиски... Я потянулся к воде и услышал хриплый голос:

– Господи, хлеб... Он же сгорел! Совсем забыла! Тефи, ты вернулась? Пальто на вешалке висит. Ничего не случилось? Почему так рано?

Говорившая вошла в кухню, ахнула, уронила пакет с надписью «Территория еды» и закричала:

– Гарик!

– Игорь в спальне Тефи, – быстро сказал я. – Извините, сюда лучше не входить.

– Вы, собственно, кто? – возмутилась женщина, отступая назад.

– Иван Павлович Подушкин, – представился я. – А вы, наверное, Вера?

– Именно так, – слегка успокоилась жена Игоря. – Я не ждала гостей, собралась ужин приготовить, вспомнила, что забыла купить сметану... Ой, хлебушек! Его надо достать!

Вера попыталась пройти к плите, но я преградил ей путь.

– Сюда нельзя.

– На этой кухне команду я! – взвилась невестка Гусевой. – Ну-ка, подвиньтесь... Мама-а-а-а!

От вопля, изданного ею, на хрустальной люстре затренькали подвески. Вера пошатнулась. Я схватил ее в охапку и понес по коридору. Пнул ногой двустворчатую дверь, вошел в просторную комнату с огромной кроватью, хотел положить даму на ложе, но увидел, что на нем сидит Тефи, и остановился.

– Ванечка, к нам смерть пришла? – жалобно спросила пожилая дама.

– Вера жива, – начал я успокаивать ее. – Она очень испугалась, поэтому у нее ноги подкосились.

– Я спрашивала о... ну... на кухне... – пролепетала Стефания Теодоровна.

Я осторожно усадил супругу Игоря в кресло.

– М-м-м... – простонала Вера. – Голова болит...

– Ой, очнулась! – обрадовалась Гусева-старшая. – Ванечка, знаете, чем на самом деле завершилась сказка про спящую красавицу?

– Принц поцеловал девушку, та пробудилась, и они сыграли свадьбу, – ответил я, немало удивленный поведением дамы: в квартире труп, а она весьма бодра и, кажется, даже весела.

Стефания Теодоровна похлопала ладонью по одеялу.

– Садитесь. Нет, этот конец дописали потом, чтобы дети не рыдали. В действительности дочурка короля была избалованной, глупой и непослушной девицей. Ей же велели никогда не трогать веретено, ан нет, она схватила его в руки. И что вышло? Король с королевой вместе со всеми придворными умерли. Принц же, случайно увидевший гробницу, наклонился, чтобы получше рассмотреть мумию. А из-под нее выползла змея, укусила его, у принца, отравленного ядом, начались галлюцинации, и он женился на гадюке, потому что та показалась ему прелестной принцессой. Змеюка постоянно внушала наивному парню, что до встречи с ним была спящей девушкой. Ну, нравится такой сюжет?

– У вас удивительная фантазия, – только и сумел сказать я.

– Нет, Ванечка, про гадюку – это реальная правда, – горько вздохнула Тефи. – Много хороших мальчиков женятся на скользких змеючках с темной биографией, а те потом поют мужу о детстве во дворце и о папе, разорившемся короле. Естественно, к Вере это не относится.

Солнышко, не подумай, что я про тебя говорила. От нервов чушь несу, мне плохо, истерика начинается. Что за ерунду болтаю? Простите, ради бога.

– Ау, кто дома есть? – закричал издали веселый тенор. – Мы пришли! Мама, ты где?

– В спальне, – громко ответила Тефи. – Кирюша, иди сюда. Кого ты привел? Глеба? Лучше Федорову отправиться домой.

– Нет, у меня сюрприз, – радостно заявил, появляясь в комнате, симпатичный стройный, совсем непохожий на Игоря молодой мужчина. – Привет, ма! У нас гости? Ну, угадайте, кто сейчас войдет!

Гарик, до сих пор молча сидевший в кресле, откашлялся:

– Не время шутить, в доме...

– Зануда! – оборвал брата Кирилл. – Давайте же, напрягитесь! Даю подсказку: красавица, вы видите ее по телику, звезда, поет мегахит про любовь: «Птицей она-а-а-а полети-ит и тебя-я-я захвати-и-ит...» Ну?

– Прости, дорогой, слишком трудная задача, – извиняющимся тоном произнесла Стефания Теодоровна. – Я телевизор не люблю, использую его для просмотра фильмов, которые покупаю. Недавно смотрела сериал про собаку-полицейского, но там певец нет.

Кирилл указал рукой на дверь и заорал:

– Та-да-да-дам! Бам! Бам! Твой выход, дорогая!

Глава 5

Скажу прямо: прожив на свете немало лет, я полагал, что навидался всякого и навряд ли могу уподобиться ребенку, который, проснувшись в новогоднюю ночь, видит, как Дед Мороз раскладывает под елкой подарки. Но девушка, которая сейчас вошла в комнату, заставила меня раскрыть рот.

Она была наряжена в крохотную ярко-красную юбочку, обтягивающую белую футболку, которая заканчивалась сразу под бюстом этак пятого размера. Поскольку объем бедер девочки оказался, как у некрупной кошки, то я смело предположил, что пышные перси не генетический подарок от мамы, а дело рук безответственного пластического хирурга, решившего заработать и потому наплевавшего на то, что кузнечик с грудью коровы выглядит смешно и нелепо. Очевидно, тот же рвач поработал и над личиком, которое, если смыть с него три кило макияжа, вполне может выглядеть мило. Но доктор сделал дурочке губы-олады и добился чудовищного в самом прямом смысле слова эффекта. На фоне рта и бюста здоровенная серьга в пупке, смахивающая на строительный болт, уже не производила шокирующего впечатления, более того, показалась мне вполне уместной, так как дополняла образ. Ноги гости обтягивали лаковые сапожки на очень высоких каблуках, цвета пожарной машины. Их мыски были вырезаны, и наружу торчали красивые пальчики, радующие взор ядовито-зеленым лаком на ногтях. Маникюр тоже был выше всяких похвал – ярко-алые когти длиной сантиметров пять хищно загибались вниз. Добавьте сюда штук десять разнокалиберных бус на тощей шейке, браслеты на каждом запястье, серьги, оттянувшие уши почти до ключиц, многочисленные кольца на пальцах, свисавшие до пояса волосы цвета майонеза – и вы поймете, по какой причине я лишился дара речи.

– Ну, кто к нам пришел? – тоном воспитательницы детского сада, куда на утренник приехал Дед Мороз, загудел Кирилл. – Скажите, как ее зовут?

– Бу-ра-ти-но? – почему-то вспомнился мне детский фильм.

– Гульнара? – предположила Тефи.

– Мама! – подпрыгнул младший сын. – С чего тебе в голову пришло такое идиотство?

– Ну, милая девочка одета как исполнительница... э... восточных танцев, – попыталась объяснить Стефания Теодоровна.

Кирилл сложил руки на груди.

– Ха-ха! Да ладно тебе! Только человек, который живет в подвале, не выходит на улицу, не смотрит телик, не слушает радио, или Маугли не узнает певицу и телеведущую Ежика!

– Здравсти, – приятным сопрано сказала девушка.

Игорь снял очки, протер их рукавом пуловера и вновь водрузил на нос. Вера, до сих пор полулежавшая в кресле без движения, села. Я глупо заулыбался. Стефания же Теодоровна радостно сказала:

– Рада вас видеть, дорогая, в своем доме. Не желаете кофейку? Сейчас включу машинку. Верочка, не суетись, тебе лучше отдохнуть.

– На кухню нельзя, – тут же напомнил я.

– Ах да! – опомнилась хозяйка. – Видите ли... э... э... у нас... э... э... потолок упал. Соседи сверху начали ремонт, уронили шкаф, а в нем лежали чугунные тумбы. Грохот был страшный! И – бумс, теперь нельзя подойти к плите. Правда, Ванечка?

Я усиленно закивал. Игорь вновь принялся полировать стекла своих очков. А Вера встала.

– Вы куда? – бдительно поинтересовался я.

– Надо позвонить... – начала она и осеклась.

– В ремонтную контору, чтобы приехали мастера и живенько привели в порядок кухню, – подсказала Тефи.

– Не волнуйтесь, я уже вызвал людей, – сообщил я. – Сюда прибудет мой ближайший друг с коллегами, он ас в решении подобных проблем, опытный профессионал. Максим просил не заходить в помещение, где... э... куда плита рухнула, чтобы не усложнять, а главное, не затягивать работу специалистов.

– Ванечка, ты гений! – обрадовалась Стефания Теодоровна. – А давайте устроим пикник в моей спальне? Игоряша, принеси из своего кабинета шерри, я открою коробочку конфет, которые Галочка привезла мне в подарок из Швейцарии. Кротик, душенька, вы любите шоколад?

– Мама, она Ежик, – процедил Кирилл. – И как бы вы тут сейчас ни идиотничали, наше решение не изменится!

– Какое, детка? – удивилась Тефи. – Ты что-то решил?

– Мама! Неужели ты забыла, о чем мы вчера вечером говорили? – возмутился сын.

Стефания Теодоровна призадумалась.

– О пополнении твоей кредитки? Хотя нет... О! Вспомнила! Ты пришел взять денег на бензин.

Отпрыск надул щеки.

– Я сообщил, что женюсь! На Ежике! Неужели ты не обратила внимания на мои слова? Мама, сколько у тебя сыновей?

– Вроде двое, – довольно неуверенно произнесла Тефи, – о других мне неизвестно.

– И ты не могла проявить к младшему сыну внимание? – взвился Кирюша. – Я полагал, нас ждет накрытый стол, подарки, гости, мы все вместе отпразднуем помолвку... И что же я вижу – нам врут про ремонт на кухне!

– Хочешь сказать, что вы с Мышью подали заявление? – еле слышно пролепетала Вера.

– Мою невесту зовут Ежик, – топнул ногой Кирилл. – Да, мы только что из загса, свадьба первого июня. Я хочу праздновать ее в Нью-Йорке. Или лучше в Лондоне! Пока еще не решил.

– Ага, – кивнула Тефи, – отличная идея.

Жених обнял девицу.

– Ежуля, как насчет кофе?

Я пошел к двери.

– Простите, но в кухню нельзя, там на самом деле большой беспорядок.

– Ради любимой я готов по горам на руках карабкаться! – воскликнул Кирилл. Затем многозначительно взглянул на мать. – Я хочу преподнести невесте кольцо, достойное ее руки.

Тефи встала, открыла секретер, достала оттуда бархатную коробочку и заявила:

– Дорогая Суслик! В нашей семье существует традиция дарить невестам сыновей уникальные драгоценности. Это украшение старинное, ему много лет. Теперь оно твое. Вот, смотри, какое...

Я опять разинул рот. В открытой Стефанией Теодоровной коробке лежал перстень с камнем весьма приличного размера. Нет, нет, нельзя, чтобы такая драгоценность уходила из семьи в неизвестные руки! Подобные фамильные вещи мать передает детям на смертном одре, будущим невесткам они, как правило, не достаются. А если жене сына и перепадет нечто раритетное, то случится это после рождения третьего ребенка. Или на двадцатую годовщину брака сына и его супруги. Неизвестно ведь, как сложится их семейная жизнь. Вдруг девушка через парочку месяцев после регистрации подаст на развод? И что, прости-прощай гигантский алмаз? Тефи на удивление беззаботна.

Ежик схватила бархатную коробочку.

– Вау! Офигеть! Ну, ваще! Круто! Спасибо! Очень красивое!

– Носи, Зайчик, на здоровье, – ласково пропела Тефи. – Невеста моего младшего сына должна выглядеть достойно.

Я захлопнул рот. Стефания вот так легко рассталась с ювелирным изделием немереной цены? Хотя если вспомнить, что дама не захотела вернуться и поискать совсем недешевую «шанельку»... Но ведь бриллиант не сумочка, пусть даже и очень дорогая. И почему молчат Игорь с Верой? Наверное, оба обомлели, у них полный паралич.

– Ваше! Офигенно! – продолжала восхищаться Ежик. – Лучше, чем у Таньки!

Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Вера неожиданно легко вскочила и бросилась в холл. Я последовал за ней, испытывая острую жалость к Тефи: сейчас по ее красивой, элегантно отделанной многокомнатной квартире начнут кружить люди, которые тут натопчут, напачкают, да еще будут задавать неприятные вопросы...

– Что произошло? – забыв поздороваться, спросил Макс, входя в прихожую.

– Чем это пахнет? – поинтересовалась незнакомая мне симпатичная шатенка, шагавшая следом за Вороновым.

– В духовке вроде пекся хлеб, – пояснил я. – Извините, я знаю, что поступил неправильно, но, побоявшись пожара, выключил плиту. Правда, думаю, содержимое противня превратилось в головешки, я не рискнул открыть дверцу, отпечатки моих пальцев остались только на большой клавише слева на панели управления.

– Молодец, – одобрила меня шатенка, – ноги пакетами замотал. Хвалю.

– Знакомьтесь, – буркнул Макс.

– Ну, раз Воронов разрешил... – засмеялась женщина. – Аня.

– Эксперт, – пояснил Максим.

– Я уже понял по чемоданчику в руке, – сказал я. И затем тоже представился: – Иван.

– Только увидела вас и сразу догадалась, что передо мной легендарный Подушкин, – хихикнула Аня. – Где труп?

– На кухне, – ответил я, – прямо и налево.

Аня вынула бахилы, надела их на туфли, дала еще одну пару Максусу и пошла к месту преступления.

Я глянул на друга.

– Почему она назвала меня «легендарный Подушкин»?

– Фиг его знает, что даже у неглупой бабы в голове? – отмахнулся Макс. – Рассказывай, как ты тут очутился. Кто хозяйка квартиры? Где здесь можно сесть?

Послышался дробный стук каблуков – в холл вошла невеста Кирилла, за ней показался и сам жених. «Страшная красавица», не обращая ни малейшего внимания на Макса, сняла с вешалки коротенькую, узенькую ярко-красную кожаную курточку и хотела открыть входную дверь.

– Минуточку... Вы куда? – остановил ее Макс.

– Ты вроде пришел кухню ремонтировать? Так и занимайся своим делом! – фыркнула «звезда».

– Отвали от моей невесты! – взвился Кирилл. – А то по тылке получишь!

Макс вынул служебное удостоверение, помахал им перед носом растерявшегося жениха и сурово произнес:

– Без моего разрешения никто квартиру не покинет.

– Почему? – испуганно пискнула девушка.

– Необходимо побеседовать с вами, – уже мягче ответил мой друг. – Вы знали убитую?

– Чего? – прошептала дива, прислоняясь к шкафу. – Кого?

– Они не в курсе, – объяснил я. – Пришли уже после того, как был обнаружен труп. Ты видишь Кирилла, младшего сына хозяйки, и его невесту, певицу Суслик.

– Ежик, – еле слышно поправила красавица.

– Простите, – смутился я.

– Понял! – обрадовался Кирюша. – Очередная дурацкая забава Тефи, вы из агентства розыгрышей. Однако мать начинает повторяться... Очнись, Ежуля, все о'кей! Маман забавляется как подросток. В прошлом году на день рождения Любы Волковой, который отмечали у нее в загородном доме, во время десерта в зал ворвался ОМОН, уложил гостей на пол мордами вниз, обыскал, потом велел всем сесть на диван, объявил, что сейчас появится их начальник и никому мало не покажется. А потом...

Кирилл сложился пополам от смеха.

– Прикиньте, ребята, вкатывается огромный торт. Бабах! Из него выскакивает голый стриптизер... ну натурально без ничего, даже плавок нет... подбегает к Любе и начинает танцевать для нее. Я сразу понял, чьих рук это дело, мамахен подарочек Волковой приготовила. Чуть не помер со смеху. Да вы самого главного не знаете! Любана-то отмечала семидесятипятилетие. Такой юбилярше стриптизер, как ежу топор, нужен. Ой, прости Ежуля! Ладно, парни, ступайте Гарика с Верой разводить, а мы пойдем. У нас дел по уши, большая программа намечена, сегодня заявление в загс отнесли, надо отметить.

– Поздравляю, – сухо произнес Макс. – Но мы не клоуны. Вам придется задержаться.

Глава 6

На следующий день меня разбудила Таня. Она просунула голову в спальню и трагическим шепотом актрисы МХАТ спросила:

– Ваняшка, ты куда банки поставил?

Я еле оторвал голову от подушки и промычал нечто маловразумительное.

– Пустые, из-под еды, – уточнила Татьяна. – И крышки пластиковые.

Сон улетучился.

– Ой, совсем забыл! Прости!

Таня отреагировала вполне мирно:

– Ничего, Ваняшка, не расстраивайся. Сегодня захвати.

Я пробормотал:

– Собирался в клинику завтра, сегодня у меня дела.

– Жаль баночки, удобненькие, – заканючила Таня, – но могу и без них обойтись. Вот крышки не мои, мне их в дорогу Ленка-соседка дала, чтобы еду закупорить. Теперь такие не выпускают. Делают похожие, но тонкие, они плохо держатся, отваливаются. У Ленки крышечки от мамки остались, еёшная мать на заводе, где их штампуют, работала, там и сперла. Ох, соседка меня, как домой вернусь, на мыло упреками изведет.

– Чья мать? – не сообразил я.

– Еёшная, – повторила непонятное слово Таня.

Я постарался реанимировать полусонный мозг. Что мне нужно запомнить из вороха информации? Банки и крышки из больницы необходимо доставить Татьяне, иначе ее соседка Елена и мать какого-то Еёша с ней поскандальят. Странное, однако, имя Еёш...

– А Ленкин муж, Сашка, еще тот тип, – продолжала тем временем Таня. – Он Михайловым, которые напротив живут, забор сломал. Спроси, за что?

– За что? – машинально повторил я.

– Кто ж знает! – всплеснула руками жена Ильи. – Дурак с дыркой в голове. Ленка думает, что евошная сестра с Сашкой спит, их кое-кто летом на автобусной остановке видел. Понимаешь позор, Ваняшка?

Я сел в кровати.

– Со стороны Саши было весьма неразумно заниматься любовью там, где тормозит общественный транспорт. Неужели он не мог найти более укромное местечко?

Татьяна прикрыла рот рукой.

– Ваняшка! Ты чего сейчас сказал-то?

Я потер ладонью лоб.

– Это ты сказала, что сестра Евоша спит с Сашей, их заметили на остановке.

Таня поцокала языком.

– Ваняшка! Ленка только думает, что евошная сестра шуры-муры с Саньком крутит, точно она не знает.

Я зевнул.

– Если пара уютно устроилась прямо на остановке на глазах у проезжающих, думать не о чем, все понятно.

– Экий ты суровый, – покачала головой Татьяна. – Пряма такой определенный. Нельзя по сплетням людей судить. Может, Санек с Каткой там случайно очутились?

Я понял, что теряю нить беседы. Минуточку, чья сестра любовница Саши? Еёша или Евоша? И вообще, Сашка и Санек один человек или два разных?

– Ты согласен? – наседала Таня. – Можно же просто рядом очутиться. Он, допустим, справа к маршрутке подошел, она слева. А у Ленки в башке один разврат!

До меня с большим опозданием дошла суть произошедшего.

– Так они просто стояли!

– Ну да, – согласилась Таня. – А ты чего подумал?

Я закашлялся. А что можно еще представить, услышав, что сестра какого-то Евоша спит с Сашкой, их видели на автобусной остановке?

Татьяна тем временем вещала дальше:

– У Катки вроде как шуры-муры с Петькой Михайловым, а у того жена, детей четверо. Разве это красиво? Ленкин Сашка психанул и Петяхе забор-то топором порушил. Погорячился, конечно, следовало просто харю начистить. Зачем имущество портить? Не по-мужски это. Михайлову пришлось деньги на ремонт изгороди тратить, у своих детей рубли отнимать. Не знаю, как у других, везде разные порядки, люди подчас странные встречаются, но у нас, в Богдановске, так не принято. Вскипело у тебя? Разрули по-человечески, без ущерба хозяйству. Вон Кириллов, например, как поступил? Евошная дочь забеременела от Мишки, а парень, поганец, в кусты, типа, я не я, лошадь не моя, ребенка ветром надуло, идите все лесом, жениться не хочу. И чего Кириллов? Как думаешь, Ваняшка?

Я вздохнул. У этого Евоша и сестра, и дочь местные Мессалины³.

Таня не стала дожидаться ответа.

– Пошел Кириллов к Мишке, вывел его на улицу и хрясь мерзоту как следует. Итог: Олька с Михаилом живехонько в загс слетали. Развелись, правда, через два года, но зато ребенок в законном браке родился, не стыдно ему потом перед соседями будет, никто байстрюком обзывать не станет. Вот это по-нашему, по-богдановски. Молодец, Кириллов, и Ольку защитил, и честь семьи спас, и никакого урона хозяйству не нанес. На улице они дрались, ни тарелочки в доме не грохнули. А Сашка басурман. Понимаешь, Ваняшка?

– Нет, – откровенно ответил я, начисто запутавшийся в обстоятельном рассказе Тани.

– Сашка недоумок, евошная сестра на голову свернутая. Ленка им под стать. Еёшний мужик за свою жену руки любовнику выдернет и вместо ног вставит. Сообразил, Ваняшка?

Я начал тихо уползать под одеяло.

Речь Тани удивительным образом напоминала выступление некоторых политиков и экономистов: вроде каждое произнесенное слово имеет смысл, но от фраз, составленных из них, впадаешь в прострацию. Вчера я с чего-то решил посмотреть телевизор, пощелкал пультом и услышал: «У нас наметился положительный рост отрицательной динамики на общем фоне отдельно взятого сектора отраслевой части экономики». На мой взгляд, это так же запутанно и сложно, как отношения между сестрой Евоша и матерью Еёша.

Татьяна уперла руки в боки.

– Крышки, Ваняшка, в них суть! Они шикардос какие!

– Кто? – заморгал я.

– Крышки для банок, пластиковые, те, что Ленке от еёшной мамки достались, – зачастила она. – Если я их не верну, Сашка-психопат, еёшний мужик, меня урочет. Или, что еще хуже, сарай подпалит. Раз из-за евошной сестры такая битва разгорелась – из-за ерунды вообще-то... ну спят они вместе, и чего... сегодня спят, завтра нет, добрее надо быть друг к другу, за топор не хвататься, – то за крышки евошной жены Санек кого хошь прибьет. Просек, Ваняшка? Крышечки-то шикардос! Из-за них точно мне кранты будут.

Я судорожно пытался составить логическую цепочку. Лена дала Тане крышки, они шикардос, то есть шикарные... Сестра Евоша спит с чужим мужем... Минуточку, Евош мужчина или женщина? Вроде у него есть жена и дочь, значит, это парень. Хотя не все ли мне равно, какого Евош пола? Если Таня не вернет крышки, муж Еёша устроит пожар в сарае

³ Валерия Мессалина – третья жена римского императора Клавдия. Прославилась распутным поведением.

Подушкиных, потому что это крышки жены Евоша... А при чем тут сосед Михайлов и автобусная остановка?

Я потряс головой.

– Таня, пожалуйста, скажи коротко и ясно, что я должен сделать?

– Ваняшка, если тебе просто велеть, ты забудешь выполнить, – укорила меня она. – Значит, надо подробно объяснить, чтобы ты прочувствовал глубину беды. Ваняшка! Очнись!

– Очень хорошо тебя слышу, – сказал я.

– Тогда повтори, – потребовала Таня.

– Пересказать весь наш разговор? – напрягся я.

– Нет, только то, что очень-очень надо сегодня сделать, – терпеливо растолковала Татьяна.

– Забрать в больнице крышки и банки, – отрапортовал я.

– Ай, умница! – похвалила меня она. – А теперь иди завтракать, болтушку сделаю. Ты ее любишь? Хвастаться не стану, но она у меня лучше всех получается, прямо шикардос!

У меня слово «болтушка» ассоциировалось не с едой, а с жидкостью противного серого цвета, которой Таисия протирала руки мне в детстве, когда те покрывались цыпками, но я храбро ответил:

– Спасибо, съем с удовольствием.

– Сколько яиц в нее вбухать? – не остановилась Таня. – Четыре? Пять?

Я сообразил, что она собирается пожарить какую-то разновидность яичницы, и резво ответил:

– Два.

Брови Тани взметнулись вверх.

– Ваняшка, ты на диете сидишь? Заболел? Может, за лекарством в аптеку сгонять? Скажи, какое купить?

– Я абсолютно здоров, – заверил я.

– Тогда чего так мало есть собрался? Два яйца мужику на сковородку бить стыдно. Давай четыре штучки размешаю, сальца покрошу, лучку... Съешь, и сразу кровь заиграет, как у коня. Помчишься по делам, аж искры из-под копыт.

– Крайне тебе благодарен, но я не ем сало. И больше двух яиц в неделю употреблять не очень хорошо, в них масса холестерина, грубо говоря, жира. Он забивает просветы в сосудах, и у человека случается инфаркт или инсульт. Люди в России могли бы жить намного дольше, если бы следили за своим питанием.

– Газет начитался, – улыбнулась моя собеседница, – телевизора наслушался. Наивный ты! Знаешь, почему с экрана про то, что жрать меньше надо, талдычат, народ смертью от хорошей еды пугают? Не верь болтунам, Ваняшка! Вон дед мой в сто шесть лет под холмик улегся. Пил, курил, мяса много ел, колбасу с сосисками, сыр, масло, сметанку обожал. И чего? Здоровеньким помер. Ладно, скажу уж тебе по-родственному правду: не своей смертью помер-то, его Генка, муж любовницы, табуреткой по башке огрел. Вернулся, значит, Геннадий с работы не вовремя, глядь, а жена в кружевной сорочке по дому рассекает. С чего бы бабе парадное белье, для больницы на всяк случай купленное, вот так попросту, без причины, таскать? Генка не дурак, скумекал: изменяет ему Лизка. Давай по дому шастать, полюбовничка искать. Глядь, а дедок мой в окошко кухни вылезает. Ну и осчастливил его Гена табуретиной по кумполу.

– В сто шесть лет иметь любовницу? – восхитился я. – Таня, у тебя прекрасная генетика!

Татьяна сложила руки на животе.

– Дедушку на кладбище отправили, Генку в тюрьгу свезли. А почему? Потому что дура Лизка кружевную сорочку нацепила. Нет бы ей, козе, в халате по-обычному шлëндрать, тогда и дед мой живехонек был бы, и муж ее в доме. Вся ответственность, Вань, за семью на нас, на бабах. Чего с мужиков взять? Дети они, руководства требуют. Короче, вставай, умывайся и

ступай на кухню. Глупости про диету слышать не хочу. Телевизор о ней болтает, потому что у народа зарплаты маленькие, денег нет каждый день колбасу покупать. Вот, чтоб людей не злить, им же обидно мимо полных прилавков с пустой сумкой идти, народу и внушают, будто хорошая еда отравя. Понимаешь, Ваняшка?

– Конечно, – заверил я.

– Если в чем еще запутаешься, спроси, я объясню, – улыбнулась Таня. – Всегда Илюхе что к чему растолковываю.

Когда она наконец-то ушла из моей спальни, я встал, взял джинсы, и тут дверь снова приоткрылась, голова Татьяны всунулась в щель. Мне пришлось быстро сесть на кровать, я заорал:

– Таня, я еще не оделся!

Она чуть склонила голову.

– Я давно замужем, знаю, как голый мужик выглядит. И ты в трусах, Ваняшка. Кстати, почему в белье спишь? И вот еще что давно спросить хочу: отчего по квартире в рубашке и брюках ходишь? У тебя хорошего тренировочного костюма нет?

В ответ у меня вырвалось невразумительное мычание.

– Ясно, – кивнула Татьяна. – Плохо мужику без жены, неприкаянный он, не пригретый, не обласканный, глупости совершает. Скажи, Ваняшка, что тебе сегодня непременно сделать надо?

Напрягая память, я понял, что в голове пусто. Потом сделал пару вдохов-выдохов и обрадованно доложил:

– Забрать банки.

– Все? – уточнила Таня.

– Вроде да.

– Точно?

Я кивнул.

– Эх, Ваняшка... – протянула она. – Невнимательно ты меня слушал, поэтому и забыл. Крышки! Пластиковые! Ленкины! От еёшной матери! Их первее всего взять надо, они важнее стекла, они шикардос. Но не расстраивайся, ничего у тебя со здоровьем плохого нет, только отсутствует привычка женщин слушать. Не переживай, я с тобой почаще беседовать стану, и ты быстро научишься.

Глава 7

Поскольку Элеонора больна, в офисе детективного агентства я сижу один. Сегодня ко мне в полдень должен прийти некто Виноградов, неделю назад записавшийся на прием, но сейчас часы показывали без пятнадцати час, а клиент все не торопился. Наконец раздался звонок. Однако на экране домофона высветилась женская фигура. Посетительница подняла голову и помахала рукой, я живо открыл.

– Стефания Теодоровна! Какими судьбами?

Гусева погрозила мне пальцем.

– Врунишка! Зачем назвался продюсером?

– Не хотел вас пугать, – улыбнулся я, – ведь частный детектив сродни полицейскому.

– Тогда следовало и имя с фамилией другие придумать, – укоризненно продолжала Тефи. – Полезла вечером в Интернет – дай, думаю, отыщу там господина Подушкина, а то он уехал, телефона не оставил, как его поблагодарить за помощь? А нет там такого среди продюсеров. Зато я нашла Ивана Павловича совсем с другой профессией.

– Глупо получилось, – согласился я. – Как вы себя чувствуете после перенесенного стресса?

– Каблук починить нельзя, – пожаловалась дама, – придется сапожки выкинуть. Но во всем плохом много хорошего. Теперь, не ощущая себя транжирой, со спокойной совестью приобрету новую обувь. Ванечка, хочу пригласить вас завтра в гости. Повода особого нет, просто соберутся милые мне люди, и не все посыпанные пылью пни, придет молодежь вашего возраста. В программе небольшой концерт – думаю, вы любите классическую музыку, – а также легкие закуски, танцы, игры. Сбор в семь, около полуночи разойдемся.

Я расшаркался.

– Большое спасибо. Премного благодарен. Непременно буду.

На лице Тефи расцвела счастливая улыбка.

– Отлично. Одна просьба, Ванечка, не говорите собравшимся о вчерашней неприятности на кухне.

– Болтливость не самое сильное мое качество, – успокоил я Тефи. – Присаживайтесь, пожалуйста. Хотите чаю?

– Лучше кофейку, – прищурилась Стефания Теодоровна. – Вон из той блестящей машинки. Дубль-эспresso, четыре чашечки в большую кружку. Сахару не надо, сливок тоже.

Я выполнил приказ. Гостя отхлебнула напиток и закатила глаза.

– Блаженство! Дома мне не дают кофе, кричат, что врач запретил. Но я полагаю, что добуквенное исполнение всех предписаний докторов не гарантирует бессмертия. А как вы считаете, Ванечка?

Я развел руками.

– Увы. Вечная жизнь невозможна.

Тефи на секунду пригорюнилась.

– А жаль. Ну, не буду думать о печальном. Ванечка, у меня есть еще одна просьба. Давайте сходим на стройку...

– Куда? – удивился я.

Стефания Теодоровна отпила кофе.

– Потрясающий напиток! Нектар! Амброзия! Я собираюсь приобрести Кириллу новую квартиру, но это секрет от сына. Одна смотреть апартаменты не хочу, я не очень внимательна, могу не заметить серьезных недостатков. И любой риелтор норовит обмануть немолодую женщину. А вот если приходит пара, в составе которой мужчина, отношение у них иное. Увы, у меня мало друзей сильного пола. Игорь в сопровождающие не годится, у него с наблюдатель-

ностью еще хуже. Много времени наш поход не займет. Так что, могу я вас ангажировать и на завтрашнюю вечеринку, и на послезавтра?

Я опять расшаркался:

– С удовольствием приду на суаре и совершу с вами экскурсию по квартире. Но я не разбираюсь в вопросах строительства.

– А этого и не надо, – обрадовалась Стефания Теодоровна. – Просто будете стоять рядом и надувать щеки. Ой, у нас дома настоящий детективный сериал! Никто не знает, кто умер в кухне. И я, и Вера с Игорем впервые увидели бедняжку, даже Кирилл о ней ничего сказать не смог. А мой младший сын владелец ресторана «Бронь», у него вся Москва тусуется, Кирюша в добрых отношениях с массой народа.

Собеседница чуть понизила голос.

– Грешным делом я подумала, что в дом залезла очередная пассия Кирика. Он ведь не женат, девушки вокруг него роем выются. Сегодня с ним Маша, завтра Глаша, послезавтра Наташа... Первое время я еще пыталась их имена запоминать. Ну, как-то неудобно, мальчик приводит девочку, надо с ней вежливо обойтись. На беду, ему нравится один тип женщин: стройные блондинки, модно одетые, из шоу-биза. А девочки там сейчас, словно близнецы, – в одной парикмахерской обслуживаются, вещи покупают похожие. И я один раз лопухнулась, сказала Кирюшиной спутнице: «Анечка, рада вас снова видеть!» А та вовсе не Анна и у нас впервые оказалась. С тех пор я твердо решила: никаких имен, только «дорогая» и «солнышко». В общем, я подумала, что Игорь, сидя в своих наушниках, не услышал, как Кирюша кого-то привел, и очень испугалась, увидев на полу труп. Конечно, Кирик не способен никого и пальцем тронуть, он безвреден, как куст китайского чая, скорей всего гостя поскользнулась и неудачно упала. Но сколько доставила беспокойства нашей семье! Когда ваш товарищ, очень милый, прекрасно воспитанный Максим, попросил нас взглянуть на тело, мне стало понятно: погибшая уже не первой молодости. А Кирюша ухаживает лишь за теми, кому едва за двадцать. Кто она? Зачем пришла? Как попала в квартиру? Одни вопросы без ответов. Настоящий детектив! Жаль, конечно, бедняжку, но такая интересная история...

– Надеюсь, вы не собираетесь проводить личное расследование? Это опасно! – предостерег я Тефи. – Тот, кто один раз убил, не станет колебаться, если поймет, что нужно убрать еще кого-то.

– Ну что ты, Ванечка! Мне и в голову это не взбредет, – слишком быстро и громко ответила Тефи. – Просто я давно хочу написать сценарий для телесериала, вот и фантазирую. Ох! Мне пора! Не стану мешать тебе работать. Кстати, ты ведь не возражаешь, что я к тебе так по-свойски обращаюсь? В общем, завтра жду. Смокинг не надевай, у нас просто, подойдет обычный костюм. Я после одного случая стала сообщать гостям дресс-код. Пришла ко мне на вечеринку Майечка Филова и прихватила нового кавалера, а тот нацепил белый смокинг, белую рубашку, белые брюки, белые ботинки, белые носки и белые перчатки. Культурная программа вечера полетела в тартарары, потому что я позвала оперного певца, который... Представляешь, Ванечка, он нарядился в белый смокинг, белую рубашку, белые брюки...

Тефи захихикала и встала.

– Завтра в семь. А послезавтра на стройку. Не забудешь?

– Никогда! – пообещал я.

Потом довел посетительницу до двери, вернулся в кабинет и глянул на большие напольные часы.

Нет, некий Виноградов сегодня точно в офисе детективного агентства не появится. Станные, однако, люди встречаются... Мужчина позвонил заранее, попросил о встрече, говорил, что у него серьезная проблема, сто раз повторил:

– Вы же не уйдете из конторы, дождетесь меня?

Я ответил:

– Свободен сегодня. Если хотите – подъезжайте.

– Нет, не могу! – воскликнул собеседник. – С работы не отпустят. Начальник – зверь, его чужие проблемы не интересуют. Личные вопросы я могу решать исключительно в выходной, а он по графику через неделю. Пожалуйста, придумайте что-нибудь, найдите для меня время. Моя дочка пропала, ей двенадцать лет, а полиция ничего делать не хочет.

Услышав, что речь идет о ребенке, я живо ответил:

– Приезжайте в удобные для вас день и час.

И каков результат? Виноградов не появился! Даже не затруднил себя звонком, не предупредил меня о перемене своих планов, не извинился.

На столе замигал телефон – меня разыскивал Макс.

– Занят? – спросил друг.

– Свободен, – в тон ему ответил я.

– Надо встретиться. Ты не против пообедать со мной?

– Буду в трактире минут через сорок, – пообещал я. – Надеюсь, не попаду в непробиваемую пробку.

Глава 8

– Давно знаешь Гусевых? – спросил Воронов, наблюдая, как я разворачиваю салфетку. – Заказал тебе лосося.

– Спасибо, давно рыбы хотелось, – обрадовался я. – Со Стефанией Теодоровной я впервые встретился вчера.

Макс выжидательно посмотрел на меня. Я рассказал про сломанный каблук и задал свой вопрос:

– Кто умер на кухне у Тефи?

Приятель налил в бокал воду.

– Валерия Алексеевна Пименова, кандидат наук, преподаватель частного вуза. Женщина с безупречной репутацией, ни в чем дурном не замечена, не пила, не употребляла наркотики, не курила. Аня говорит, что физическое состояние тела прекрасное, лет на двадцать пять, не старше, могла бы жить да жить. Пименова в юности была гимнасткой, но Олимпиад и чемпионатов мира не выигрывала, редко занимала призовые места на крупных соревнованиях. И оказалась умным человеком – в отличие от большинства спортсменов Валерия вовремя поняла, что карьеры не сделает, в девятнадцать лет завязала с брусьями и бревном, поступила в институт, окончила его с красным дипломом. Потом пошла в аспирантуру, где занялась психологией, защитила диссертацию и до сей поры преподавала. Замужем не была, детей нет. Увлекалась скалолазанием, занималась фитнесом, была сильным человеком. Ну это, как ты понимаешь, лишь общие сведения, которые удалось нарыть за столь короткий срок.

– Как она попала на кухню Тефи? – удивился я.

Макс посмотрел на тарелку, которую только что поставила перед ним официантка.

– Вот тут начинается самое интересное. В подъезде дома, где живут Гусевы, постоянно находятся охранники. Не милые старушки, а профессиональные парни с оружием. Они никого без приглашения не впускают. Валерия Алексеевна парадным входом не воспользовалась, это совершенно точно. У лифта висит видеокамера, и мой человек крайне внимательно просмотрел запись – никого даже отдаленно похожего на Пименову на ней нет.

– Но не могла же она пролезть в дом по дымоходу, – возразил я. – У всякой техники есть слепая зона, и любых секьюрити можно отвлечь. Вероятно, у этой Пименовой был помощник.

– Возможен и такой вариант, – согласился Макс, – но в нашем случае нашлось другое решение. Ты из окна кухни Гусевой выглядывал?

– Нет. А зачем? – удивился я. – Обнаружил тело и постарался поменьше там топтаться.

Макс отложил вилку.

– Все окна апартаментов смотрят на улицу, а вот кухонное выходит в колодцеобразный двор. Слева, справа и прямо по курсу там стоят здания, очень старые, возведенные при царе Горохе. Окна во дворик есть и в еще одном доме, но это стеклопакеты лестничных клеток, не квартир. Аня обнаружила на ладонях жертвы следы краски, которой, как правило, покрывают пожарные лестницы.

– Пименова залезла по железным перекладинам снаружи? – догадался я.

– Точно, – хмыкнул Воронов. – Для профессиональной гимнастки, пусть даже и давно ушедшей из спорта, да еще и увлекавшейся скалолазанием, проделать подобный трюк – как мне чашку кофе опрокинуть. Впрочем, думаю, с этой задачей справишься даже ты. Лесенка весьма удобная, со всех сторон закрыта обрешеткой. Предназначена она, в первую очередь, для жильцов квартир, которые должны эвакуироваться по ней в случае, если огонь отрезал им подход к двери, ведущей к лифту.

– А что, на окне кухни нет решеток?

– Нет, – отрезал Макс. – И видеонаблюдение во дворе отсутствует.

– Почему? – поразился я.

– В «колодец» не заглядывают посторонние. Чтобы очутиться там, нужно войти в подъезд дома Гусевой, пройти его насквозь и толкнуть дверь за шахтой лифта. Летом эта створка для жильцов открыта – во внутреннем дворе, можно даже сказать – патио, работает фонтанчик, стоят скамеечки, есть песочница и качели. Но никто, кроме Гусевых, в доме не живет. Ни Стефания, ни Игорь, ни Вера в теплое время года двориком не пользуются. А вот Кирилл там иногда с девушками тусуется, всегда с разными. И часто приводит туда большие компании. Теоретически Валерия могла пройти вместе с младшим сыном Тефи. Но сейчас выход во двор заперт, его приводят в порядок. Открывают черный ход первого июня, а запирают десятого сентября.

– Как тогда Пименова подобралась к лестнице? Коим образом открыла окошко кухни? – зафонтанировал я вопросами. – Стекло-то цело!

Макс потянулся к хлебнице.

– Ты не обратил внимания на еще один интересный факт. Скажи, в кухне было прохладно, когда ты туда вошел?

– Нет, тепло. И сильно пахло сдобой из духовки, – ответил я.

– Пекся хлеб, – уточнил Воронов, – он превратился в головешку. Вера пояснила, что положила на противень длинный замороженный багет, который готовится минут двадцать-тридцать. И поэтому мы можем довольно точно определить время смерти Пименовой. Жена Игоря сообщила, что принесла из супермаркета покупки, начала разбирать сумки, запихнула в духовку багет, вспомнила, что забыла купить сметану, и поспешила назад в магазин, который находится в соседнем доме. Она рассчитывала управиться за десять минут, но задержалась. Товары в супермаркетах ставят тесно, Вера решила снять сметану с верхней полки. Ей пришлось встать на цыпочки, и в какой-то момент она пошатнулась. Пытаясь сохранить равновесие, она замахала руками, задела стеклянные бутылки с кефиром, те обвалились на пол. На грохот примчалась охрана. Улаживание происшествия заняло почти полчаса. Когда Вера уходила из дома, посторонних там не было, а вернулась она уже после того, как на кухне обнаружили труп. Следовательно, убийство произошло в момент ее отсутствия.

– Значит, Валерия таинственным образом просочилась во двор, влезла по лестнице, – принялся рассуждать я. – Стоп! Как ей удалось открыть стеклопакет?

Максим начал рыться в хлебнице.

– Черт, сегодня не дали мой любимый зерновой хлеб... С окном все оказалось крайне просто. Оно у Гусевых всегда приоткрыто – зимой, летом, в любую погоду, даже когда работает кондиционер. Таково желание Стефании Теодоровны. В кухне газовая плита, и хозяйка очень боится утечки газа, поэтому рама никогда не захлопывается. Убедить пожилую женщину этого не делать невозможно. Впрочем, как я понял, с ней вообще бесполезно спорить по любым вопросам. Игорь редко заходит на кухню (Гусевы едят в столовой), ему все равно, какая там температура, сама Тефи не готовит, суп и кашу варит Вера, а ей не очень нравится стоять на сквозняке, и у невестки со свекровью идет настоящая война из-за открытого окошка: Вера захлопывает его, Тефи распахивает. Ситуацию не изменил даже визит участкового. Примерно месяц назад он приходил к Гусевым и попросил соблюдать осторожность: в близлежащих домах было совершено несколько краж, грабители, используя альпинистское снаряжение, проникали в квартиры через окна. Услышав рассказ полицейского, Вера обрадовалась, что на кухне больше не будет, как в Антарктиде. Но нет, свекровь по-прежнему настаивает на открытом окне, хотя Вера ее убеждает: «Зато к нам никто не залезет». Короче, жена Игоря по-прежнему клацает зубами от холода, находясь в кухне, но теперь еще она панически боится ограбления, вздрагивает при каждом шорохе. Пименова не открывала окно, оно и так было нараспашку. Но есть другой, не менее захватывающий вопрос: кто закрыл окно?

– Прости? – не понял я.

– Когда ты вошел в кухню, там не дуло, в квартире сильно пахло выпечкой, затем потянуло горелым, – перечислил Воронов. – То есть притока свежего воздуха не было. Окно оказалось закрытым.

– Его, как обычно, захлопнула Вера. Или, может быть, влезшая в него Валерия, – предположил я.

– Ну, последнее вряд ли, – не согласился Макс. – Когда человек потихоньку проникает в чужую квартиру, ему надо подумать о том, как спешно удрать, если вдруг его застукают. В интересах Пименовой было оставить открытым проход к пожарной лестнице. Кстати, изнутри на раме и ручке нет отпечатков ее пальцев. Там вообще отсутствуют чьи-либо следы. Веры и Тефи, которые постоянно хлопают створкой, дергают ее туда-сюда, тоже. У свекрови с невесткой давно выработалась привычка: как входят в кухню, сразу кидаются к окну. Где же их пальчики? И остается вопрос: кто захлопнул раму? Вера сказала, что, принеся продукты, поставила сумку на столик. Окно она сразу не закрыла, боялась, что батон разморозится, а ей еще надо было разобрать продукты. Потом она вспомнила про сметану, сунула багет в духовку и убежала. Итак, на ручке нет никаких отпечатков. Зачем обоим хозяйкам их стирать? Напрашивающийся ответ: окно протер убийца.

Макс начал резать ножом отбивную.

– И ты еще не знаешь самого интересного.

Я оторвался от рыбы.

– Открывай свой сундук с секретами. Обнаружил сотовый Пименовой с эсэмэсками?

Воронов поманил официантку, заказал кофе, сложил салфетку и оперся локтями о стол.

– При Пименовой не нашли мобильного телефона, зато в кармане обнаружили шприц, заполненный ротилом⁴. Это мышечный релаксант, его используют для стандартной подготовки взрослого человека к операции. Препарат действует очень быстро, спустя пару секунд после введения пациент обездвиживается. Но у ротила огромное количество противопоказаний, у больного может возникнуть аритмия, даже вероятна остановка сердца, поэтому применять его дозволено только врачам. И, обрати внимание, это средство не является анестезией, оно лишь часть подготовки к ней: если вколоть один ротил, тело парализует, однако болевые ощущения у пациента сохраняются. Кстати, ротил уже снят с производства, его заменили более современные и безопасные препараты, но Валерия ухитрилась достать именно его. Кроме шприца, у Пименовой в прикрепленной к поясу сумке нашли очень острый нож и бордовый шелковый платок. Тебе, наверное, этот набор ни о чем не говорит, а по мне озноб прошел, когда я его увидел – вспомнилось мое первое дело после прихода в отдел. Пятнадцать лет назад в Москве орудовал убийца. За короткий срок он лишил жизни несколько человек: вкалывал им именно ротил, потом наносил жертвам множественные раны ножом.

– Ужас! – передернулся я. – Люди ведь испытывали страшную боль!

– Верно, – мрачно подтвердил Макс. – Но несчастные не могли ни пошевелиться, ни крикнуть, ни позвать на помощь. Хотя даже отчаянные вопли никто бы не услышал, потому что убийца мучил пленников в заброшенной сторожке, в глухом лесу. Избушка находилась недалеко от Москвы и имела дурную славу у сельских жителей. Меня, тогда молодого и зеленого, прикрепили к опытному следователю, Евгению Семеновичу Бабичеву, которому до пенсии оставалось меньше года. Мой наставник, когда мы с ним ехали к месту преступления, зудел: «В субботу вытащили... Мы с женой на дачу собрались, шашлык замариновали...» Помнится, я тогда поразился его поведению: погиб человек, а Бабичев о сорванном пикнике стонет. Сейчас понимаю: Евгений Семенович устал от службы, хотел на покой, а тут новое дело на голову свалилось.

⁴ Ротил – данного препарата не существует. Существуют другие медикаменты, действующие аналогичным образом, но из этических соображений название не упоминается.

Максим задумчиво посмотрел на принесенную официанткой чашку и продолжил рассказ. Я напряженно слушал.

...Личность погибшего установили быстро: Виктор Петрович Горелов, водитель фуры. Он еще в советские годы начал ездить за рубеж, возил разные грузы в Европу. Репутация у него была безупречная: не пил, не баловался наркотой, никаких происшествий в рейсах, ни одного ДТП за всю карьеру. Приятный во всех отношениях мужчина, позитивный, аккуратный, коллеги о нем только хорошее говорили. О личной жизни Горелова следователи почти ничего не узнали: он был неженат и, несмотря на общительность, близких друзей не имел, домой никого из сослуживцев не приглашал. Тело убитого из морга забрать оказалось некому, хоронили его за госсчет. Прописан водитель был в коммуналке. Соседка сообщила, что Горелов в общей квартире не появлялся, сказал ей, когда там прописался: «Маша, можешь не волноваться, я человек занятой, постоянно в дороге, от меня ни шума, ни хлопот не будет. Не волнуйся, все оплачено вперед за год. Если понадобится, звони на работу». Так и повелось: Виктор Петрович в декабре вносил сумму на коммунальные расходы, и больше женщина о соседе не слышала. Где Горелов на самом деле жил, она понятия не имела.

На трупе было множество ножевых ранений, в тканях обнаружили следы ротила, а на груди убитого лежал женский шелковый платок бордового цвета.

Теперь надо сказать несколько слов о сторожке. Та стоит в лесу, вокруг разбросаны небольшие деревеньки. Бабичев поехал в ближайшую, в Зайцево, и наслушался там историй. Местные бабы и мужики при упоминании избушки принимались креститься и понижали голос до шепота:

– В ней раньше ведьма жила, мне бабка о ней рассказывала. Я даже в ту сторону никогда не хожу, проклятое место. Кто туда ни заглянет, все умирают. Одну девушку давным-давно в сторожке зарезали. А еще директор школы там помер.

– Вот придурки, – резюмировал Бабичев после опроса народа. – Все ясно, едем домой.

– Может, нам по другим деревням пройти? – заикнулся Макс.

– Еще чего! – фыркнул шеф. – Опять ерунду выслушивать про колдунью?

Воронов побоялся спорить с наставником, а Евгений Семенович откровенно умыл руки и сдал бумаги в архив.

Спустя четыре месяца случайные грибники обнаружили в той же сторожке тело молодой женщины, и дело опять досталось Бабичеву. Труп был в плохом состоянии. Даже неопытный Макс, узнав, что около жертвы валялся бордовый платок, сообразил: водителя Горелова и незнакомку убил один и тот же человек. Но Бабичев велел стажеру держать свое мнение при себе. Личность убитой установили без задержки. Визуально несчастную было не опознать, но у нее на шее висел медальон с гравировкой «Сонечке от мамы», а среди заявлений о пропавших нашлась бумага от Адели и Абрама Вайнштейн, которые искали свою дочь Софью двадцати двух лет, талантливую скрипачку. Девушке пророчили большое будущее, и ни один человек не мог сказать о ней дурного слова. Сонечка обожала родителей, в дурных компаниях она не гуляла, женихом обзавестись не успела, педагоги о ней говорили с придыханием. Каким образом она очутилась в сторожке, никто объяснить не мог.

Макс, видя, что Евгений Семенович предпочитает не замечать связи между убийствами Горелова и Вайнштейн, занервничал. Он сообразил: Бабичеву хочется поскорее выйти на пенсию, ему плевать на все. Но нельзя же оставить преступника на свободе! И как поступить? Пойти к начальству? Максим только-только попал в отдел, мечтал служить именно в этом подразделении, долго добивался, чтобы там оказаться. Ну и что подумают коллеги о стажере, если он начнет действовать, так сказать, через голову наставника? Что парень едва появился, а уже стучит руководству? Воронов пребывал в растерянности.

Кроме расследования смерти Вайнштейн, Бабичев с подопечным занимались и другими делами. Однажды они поехали на встречу со свидетелем, не имеющим отношения к убийству

Софьи, и попали в перестрелку. Евгений Семенович остался цел, а Макса ранили. Пару месяцев Воронов лечился, лежал в больнице, потом поехал в санаторий, а когда вернулся на рабочее место, узнал, что Бабичев благополучно стал пенсионером, причем незадолго до того, как уехать в Подмоскovie выращивать цветы, похоронил еще одно дело, и снова об убийстве в той же сторожке.

Пока Макс реабилитировался после ранения, в покосившейся избушке обнаружили труп Марины Андреевны Лазаревой, пятидесяти пяти лет, незамужней, бездетной, ранее владевшей магазинчиком кондитерских изделий на одном из рынков. Лавку Лазарева продала, и чем потом занималась, неизвестно. Базар ликвидировали, никаких знакомых Марины Андреевны найти не удалось. Да похоже, Бабичев их и не искал.

Труп ее нашли местные мужики, которые пришли разбирать сторожку – жители деревни Зайцево, напуганные двумя недавними убийствами, решили уничтожить проклятую избу. Оказалось, несчастную лишили жизни менее чем за сутки до появления парней с инструментами. Эксперт обнаружил в крови Лазаревой ротил, у лица ее лежал бордовый платок. Вечером оперативники, оградив место преступления, уехали, а когда вернулись утром, увидели пепелище – зайцевцы сожгли ветхое строение, а вместе с ним и вероятные улики. Дело Лазаревой уткло в архив.

Вот тут Макс, наплевав на корпоративную этику, пошел к начальнику отдела и доложил о том, что Евгений Семенович халатно отнесся к своим обязанностям, рассказал о Горелове и Вайнштейн.

Босс хмуро буркнул:

– Займись своими делами, не лезь куда не просят.

Через месяц отдел расформировали, сотрудников распахали по разным местам. Воронов попал в хороший коллектив, сделал карьеру, сам стал шефом, но воспоминание о том, что благодаря Бабичеву маньяк ушел от наказания, годами царапало его душу. И вот спустя пятнадцать лет он оказался возле трупа Пименовой и увидел в ее кармане шприц с ротилом, а в поясной сумке нож и бордовый платок...

– Ваня, – сказал Макс, – мне нужна твоя помощь.

Глава 9

– Сделаю все, о чем ты попросишь, – пообещал я. – Думаешь, преподавательница института и есть тот самый маньяк?

Максим сложил руки на груди.

– Серийные убийцы-женщины редкость не только в России, но и во всем мире.

– Но все же они существуют? – не сдался я.

Мой друг вытащил из подставки бумажную салфетку, начал складывать кораблик и, не отвечая на мой вопрос, задал свой:

– Почему он, убив троих, потом пятнадцать лет сидел тихо, а сейчас активизировался?

– Ты употребил местоимение мужского рода, значит, не считаешь Пименову преступницей? – уточнил я.

Макс взглянул на чашку остывшего американо.

– Маньяком-садистом? Нет. У меня возникла другая версия. Понимаешь, серийщик никогда не останавливается, злодеяния прекращаются, когда его ловят или когда этот гад умирает. Я считал мерзавца мертвым, но вчера, открыв сумку Пименовой, сообразил: вероятно, преступник жив, только стал инвалидом, у него, скажем, был инсульт или еще какая-то напасть случилась, негодяй долго лечился, но так и не смог вернуть себе былые силы, поэтому убийства прекратились. А сейчас он нашел помощницу, Пименову, и велел ей орудовать вместо себя. Могу привести несколько примеров из мировой криминалистики на сей счет. Например, Джон Вассерман, убивший десять женщин, затих на двенадцать лет, а затем вдруг снова начались преступления в его, так сказать, стиле. Полиция установила личность маньяка. Выяснилось, что он был строительным рабочим, упал с лесов, сломал позвоночник, очутился в инвалидной коляске и лишился возможности совершать преступления. Спустя одиннадцать лет в Джона без памяти влюбилась пятидесятилетняя медсестра, которая делала ему курс уколов. Маньяк, и в кресле на колесиках не перестававший быть маньяком, понял, что некрасивая, не имевшая семьи Эни может стать послушной игрушкой в его руках. Он подчинил себе женщину, и та стала убивать по приказу Вассермана. К сожалению, рассказанный мною случай не единичен. Я мог бы и дальше говорить на эту тему, вспомнить Фрэнка Окселя, который вложил пистолет в руку полностью зависимой от него дочери, Майкла Вишевского, поработившего своего брата. Короче, вполне вероятно, что наш серийщик использовал Пименову. Она очень подходит по типу: одинокая, никогда не выходившая замуж, бездетная женщина средних лет. В качестве жертвы был намечен Игорь Гусев.

– Почему именно он? – удивился я.

Макс резко выпрямился.

– Стефания Теодоровна с утра отправилась к косметологу на процедуру...

– Тефи обманула родных, на самом деле она поехала в больницу, – перебил я друга, – ей велели проконсультироваться по поводу родинки. После клиники она хотела пробежаться по магазинам.

Воронов внезапно разозлился.

– Без разницы, куда тетка намылилась, главное, ее не должно было быть дома. Но Гусева сломала каблук, что нарушило ее планы, иначе она появилась бы в квартире не ранее девяти вечера. Как я понял, это ее обычная еженедельная программа: косметолог плюс шопинг. Вера ушла на работу около двенадцати. Она врач-логопед, занимается со взрослыми, большей частью с теми, кто потерял речь в результате инсульта. Жена Игоря принимает в крупном мед-центре исключительно по предварительной записи, попасть к ней сложно, от пациентов отбоя нет. Но в случае, если клиент сам не способен приехать, специалист отправляется к нему домой или в больницу. Несколько раз люди, которым долго не удавалось записаться на прием к Вере

Леонидовне, устраивали в регистратуре скандалы. В прошлом году жена одного такого больного обвинила администраторов во взяточничестве. Пришла к главврачу, вручила ему свой телефон и велела: «Посмотрите запись. Три месяца мне отвечали в окошке, что у Веры Леонидовны секундошки свободной нет. Но когда я сегодня потихонечку дала вашей сотруднице на ресепшен пару купюр, талончик тут же нашелся. Мой сын заснял на мобильный момент получения взятки». Нечистую на руку служащую уволили, и с тех пор расписание логопеда Гусевой вывешено на всеобщее обозрение. Там указано, с кем, в котором часу и сколько времени она будет в тот или иной день занята. Вчера Вера отправилась к некоему Петру Фомину, после инсульта не встающему с кровати. Но сеанс не состоялся – ее пациент заболел гриппом. Логопед разозлилась на жену больного, которая не позаботилась предупредить ее об этом, а потом решила использовать неожиданно образовавшееся свободное время для домашних хлопот – пошла в супермаркет за продуктами. Понимаешь, куда я клоню?

– Пименова легко могла узнать, что Стефании Теодоровны и Веры не будет дома, – кивнул я. – Расписание врача у всех перед глазами, а поездка Тефи к косметологу и шопинг бывают еженедельно. Если проследить за Гусевой-старшей, непременно выяснишь, куда и как часто она ходит.

– Вот-вот, – подхватил Макс. – А Кирилл никогда не наносит визиты матери по понедельникам. Младшенький живет отдельно, ему еще в студенческие годы купили однушку. Сейчас он владеет рестораном, но дела идут не ахти, заботливая и любящая мамочка постоянно вмешивается в дело отпрыска свои средства. По воскресеньям заведение открыто всю ночь, и Кирюша, который вообще-то не убивается на службе – там пашет управляющий, – именно по воскресеньям непременно находится в ресторане до последнего клиента. Поэтому в первый день недели он отдыхает от трудов праведных, спит до полудня, затем едет в фитнес-клуб: плавает в бассейне, расслабляется в СПА. Младший сыночек непредсказуем в своем поведении, но до сих пор к матери по понедельникам не забегал.

Мой друг на секунду замолчал. Я не стал вмешиваться в повествование со своими замечаниями, ждал продолжения. И оно последовало.

– Теперь подытожим. Пименова выяснила привычки членов семьи и заявила тогда, когда, по ее расчетам, дома оставался только Игорь. Старший отпрыск Стефании Теодоровны ювелир. Говорят, он работает медленно, вдумчиво, но создает прекрасные вещи, поэтому у него нет отбоя от заказчиков. Человек он тихий, немногословный, настоящий интроверт, совершенно не похожий на мать. Тефи-то мгновенно сходится с людьми, через десять минут после знакомства считает собеседника своим другом. Дама постоянно бегает по магазинам, посещает музеи, театры, выставки, обожает принимать гостей. Гарик другой – он старается лишней раз не выходить из дома, где и оборудована его мастерская. Усаживаясь за работу, ювелир всегда надевает наушники и включает любимую музыку. В прошлом году журнал «Семья» решил сделать репортаж о Гусевых. К ним приехал корреспондент, взял интервью, сделал фото. Игорь хорошо воспитан, отнюдь не бука, не уходит демонстративно из комнаты при виде посторонних, он вежливо сказал репортеру несколько фраз. Вера тоже не особенно откровенничала, в беседе солировала Стефания Теодоровна. Она похвасталась произведениями Гарика, показала его мастерскую, сообщила о привычке сына делать украшения под музыкальное сопровождение. Затем свекровь расхвалила на все лады Веру. На вопрос корреспондента: «Неужели вы никогда не ругаетесь с невесткой?» ответила: «Мы спорим только из-за окна на кухне, которое я требую держать открытым, а Вера против этого. Но я, естественно, побеждаю, створка не захлопывается. Никогда!» Журнал разошелся многотысячным тиражом, Пименова легко могла его прочитать. А дальше просто. Узнав распорядок дня и привычки Гусевых, Валерия выбирает для нападения понедельник. По ее расчетам, днем в квартире никого, кроме нужного ей объекта, нет. Она взбирается по лестнице, взлезает в открытое окно...

– Как она попала во двор? – перебил я.

– В произошедшем полно неясностей, – согласился Макс, – но в том, что Пименова воспользовалась пожарной лестницей, сомнений нет. Итак, убийца оказывается в кухне. И ее расчеты, несмотря на то что планы у Гусевых изменились, в принципе, оправдались. Вера не у пациента, но убежала в магазин за сметаной. Тефи сломала каблук, не пошла к косметологу, однако самозабвенно болтает с новым знакомым, с тобой то есть, и отправляется в супермаркет, Игорь же работает в своей мастерской в наушниках. А затем...

Воронов умолк.

– Некто убивает Валерию, – договорил я.

– Получается так, – пробормотал мой друг. – Она не успела даже выйти из кухни. Ее один раз ударили по голове предметом, похожим на палку. Сейчас экспертиза пытается выяснить, что это было: швабра, скалка, ножка табуретки... Вариантов множество. На месте преступления мы орудия убийства не нашли, вероятно, напавший унес его с собой. Вопрос дня: ну и кто же напал на Пименову?

– Игорь, – мгновенно ответил я.

– Ювелир никогда не выходит из мастерской во время работы, – пояснил Макс.

Я пожал плечами.

– А в понедельник изменил своей привычке. Например, в туалет захотел, потом решил водички попить, зарулил на кухню. Дальнейшее понятно.

– Ваня, мастерская Игоря напоминает космический корабль с автономной системой жизнеобеспечения, – усмехнулся Максим. – Там есть его личный сортир, электрочайник, мини-холодильник с запасом еды. Гарик при поверхностном общении производит впечатление нормального воспитанного человека.

– Верно, я немного удивился, когда ты заговорил о неконтактности старшего сына Гусевой. Со мной он был приветлив, разговаривал вполне адекватно, не цедил сквозь зубы «да-нет».

– Я же не назвал его аутистом, – пожал плечами Воронов. – Гарик умеет поддерживать беседу с посторонними, но в гости никогда не ходит. На вечеринках, которые по разным поводам затевает мать, ювелир довольно мил с людьми, развлекает их, но не имеет близких друзей и старается лишний раз не выходить из квартиры. Когда я увидел его мастерскую, то сообразил: мужик с большим прибабахом. Похоже, он изо всех сил старается избежать общения с родными, сидит у себя днями и ночами, у них с женой разные спальни, детей нет. Понимаешь? Игорь прекрасно воспитанный интроверт, этакий закрытый шкаф.

– То, что ты перечислил, материал для психолога, – согласился я, – но все это не исключает, что Игорь таки изменил своим привычкам и вошел в кухню.

– Есть свидетель, который подтверждает: в то время, когда была убита Валерия Пименова, ювелир Гусев сидел у стола, – объявил Макс. – Его видели за работой.

Глава 10

От удивления я привстал.

– В квартире находился еще кто-то?

– Можно и так сказать, – хмыкнул Воронов. – Василий Буркин из Самары. Но в Москве его не было.

– Интересное заявление, – развеселился я. – Василий видел, как Игорь трудится, однако пребывал не в столице.

– Они общались по скайпу, – пояснил Макс. – Гусев дает онлайн-уроки тем, кто хочет освоить азы ювелирного дела. Отнюдь не бесплатно – у него есть сайт с расценками не только на ювелирку, но и на обучение. Буркин записался на курс, решив сделать жене сюрприз – преподнести ей на юбилей собственноручно сделанный браслет. Гусев объяснил самарцу, как надо крепить камни, прочитал обстоятельную лекцию, а потом начал очень медленно, поэтапно показывать весь процесс. Игорь всегда сначала дает теорию, а потом подкрепляет ее практикой. Во время первой части занятия ученик имеет право задавать любые вопросы и получит на них исчерпывающие ответы, но как только мастер переходит к практической части, тут полный запрет на разговоры, ювелир надевает наушники.

– А, я помню, когда Игорь открыл нам с Тефи дверь, наушники у него на шее висели. Я еще подумал...

Договорить мне не удалось.

– Прошу тебя, не перебивай, – поморщился мой друг-следователь, – дай закончить мысль.

– Все, все, извини, – пробормотал я.

– В тот день Василий очень внимательно следил за руками преподавателя, – продолжил Воронов. – Кстати, Буркин всегда записывает занятия, а потом их многократно просматривает. В какой-то момент самарец услышал звонки – кто-то явно хотел войти в квартиру мэтра. Тре-звонили настойчиво, долго, и Буркин занервничал: не случилась ли неприятность? Ну, например, из крана в ванной хлещет вода, заливают соседей, те прибежали к Гусеву, сейчас начнут дверь ломать. И Василий решил нарушить молчание. Однако учитель не услышал бы голоса ученика, поэтому тот принялся размахивать руками. В очередной раз взглянув на экран компьютера, Игорь увидел, что Буркин жестом просит его снять наушники, рассердился, но подчинился. «Простите, – пролепетал Василий, – кто-то к вам в дом рвется, давно уже в дверь звонит. Вдруг произошло нечто нехорошее?» Тут уж и сам Гарик услышал шум. На записи, сделанной Буркиным, отчетливо воспроизводятся все звуки и видно, что ученик старательно привлекал внимание ювелира. Таким образом, в тот момент, когда Пименова влезла на кухню, Гусев не выходил из кабинета.

Максим на секунду прервал рассказ. Но я послушно молчал.

– И вот тебе вишенка на торт! – усмехнулся Воронов. – По понедельникам Игорь с учениками не работает, семинары проводит во вторник, четверг и субботу. Но Буркин очень просил позаниматься с ним, так сказать, внеурочно – мол, у жены день рождения в субботу, надо успеть сделать подарок. Гусев пошел ему навстречу. Ну и что вышло? Серийных маньяков отличает тщательная подготовка к убийству, они, как правило, дотошно изучают детали. Тот, кто посылал Пименову, знал: в первый день недели ювелир не выходит в скайп, на его сайте вывешено расписание занятий, поэтому специально выбрал для убийства именно понедельник, ведь в доме никого нет, Гарик не включает Интернет. Только, похоже, все звезды встали в оппозицию маньяку и его помощнице Пименовой: Гусевы все поголовно нарушили график. А у ювелира, находившегося дома, стопроцентное алиби.

– Ну и кто тогда убил Валерию? – растерялся я.

Макс развел руками.

– Сейчас мои люди опрашивают коллег преподавательницы, и я надеюсь, что удастся узнать нечто полезное. На данном этапе дело выглядит так: либо Пименова и есть тот самый маньяк-садист, убивший троих людей в лесной сторожке возле деревни Зайцево, либо она была у него на посылках, либо являлась подражателем. Первая версия не кажется мне достоверной. Пятнадцать лет назад Валерия еще ездила на соревнования и одновременно готовилась к поступлению в институт. Как все профессиональные спортсмены, она регулярно ходила к врачу, и никаких проблем у нее тогда не имелось – девушка была здорова и физически, и психически. Ну согласись, немного странно получается, гимнастка за год убивает несколько человек, и все, более никого жизни не лишает. А до этого вела себя как обычная молодая женщина без каких-либо отклонений. Во всех учебниках по психологии преступников написано: серийные маньяки с детства проявляют асоциальные наклонности, как правило, мучают животных. Валерия же пропадала в спортзале, рано поняв, что пробиваться в жизни надо самой, поэтому старательно тренировалась, считала свои победы на соревнованиях пропуском в обеспеченную жизнь. Никак она не похожа на маньяка. И, Ваня, я уже говорил: серийщиков-женщин почти нет. В отношении третьей версии, что Пименова подражатель, у меня тоже есть сомнения. Пресса о тех убийствах не писала, никто из репортеров о них не знал. Валерии элементарно неоткуда было узнать подробности, в частности про бордовый платок. А подражатели черпают знания в основном из печатных изданий.

– Полагаешь, садист жив, просто не может сам совершать преступления. Он подчинил себе Пименову, сделал ее своей игрушкой и отправил расправиться с Игорем, – договорил я.

– Верно, – кивнул Макс с мрачным видом.

– Так чем я могу тебе помочь? – осведомился я.

Воронов стал еще мрачнее.

– Пименова нам уже ничего не расскажет. И если она стала орудием в руках маньяка, то о своих с ним отношениях вряд ли кому-то сообщала. Поэтому я сомневаюсь, что мы получим важные сведения от ее коллег и соседей. А вот Игорь... Почему была открыта охота на Гусева? Что связывает ювелира с убийцей? Я абсолютно уверен: есть тоненькая ниточка, которая тянется от него к преступнику.

– Надо обстоятельно допросить сына Стефании Теодоровны, – посоветовал я. – Вероятно, в процессе беседы выплывет некий факт, появится зацепка.

– И от жертв, найденных много лет назад в сторожке, тянулись к мерзавцу следы, – словно не слыша меня, продолжал Максим, – но Бабичев просто не захотел их увидеть, нащупать. Нет, Ваня, трясти Гусева опасно. Убийца ушел в подполье давно, сейчас активизировался, чтобы лишить жизни Гарика. Преступник осторожен, умен и обладает большой силой воли. Он, скорей всего, следит за Игорем и за нами, ждет, как поступит полиция. Поэтому – вот!

Воронов положил на стол свежий номер «Желтухи». Я увидел заголовок «Ограбление не удалось» и стал читать статью.

«Вчера в квартиру Стефании Гусевой, владелицы одного из самых крупных Интернет-магазинов одежды и аксессуаров, попытался проникнуть вор. Грабительница воспользовалась пожарной лестницей, прикрепленной к наружной стене дома. Она влезла в кухню через открытое окно и столкнулась с П., гостем хозяев, прибывшим утром из провинции. Он попытался задержать злоумышленницу, та оказала сопротивление, случилась драка, в процессе которой воровка ударила головой об угол стола. Смерть наступила мгновенно. Личность погибшей уточняется. На вид ей тридцать пять – сорок лет, спортивного телосложения, волосы крашенные, цвет «серебристая блондинка». Была одета в джинсы, серый пуловер, на шее повязан бордовый шелковый прямоугольный платок. При женщине нашли нож и шприц, наполненный каким-то лекарством, предположительно снотворным. Никто из Гусевых не пострадал. Ведется следствие. В полиции нам сообщили, что за последние месяцы в Центральном округе столицы совершено несколько ограблений квартир. Преступник проникал в жилье через окно

и забирал ценности. В марте он вломился в апартаменты уехавших отдыхать Морозовых. Но оказалось, что хозяева на время своего отсутствия попросили пожить в их доме домработницу. Грабитель сделал прислуге укол сильного транквилизатора, а потом унес вещи. Полиция предполагает, что неизвестная женщина, пытавшаяся обчистить Гусевых, является той самой воровкой, от которой уже не раз страдали жители Москвы».

– Информацию «случайно» разболтал знакомому журналюге один из моих людей, – пояснил Макс. – Он же сегодня утром позвонил этому корреспонденту и устроил скандал, орал: «Я вчера выпил лишнего, распустил при тебе язык, и что? Сегодня вижу пересказ нашей беседы в твоей газетенке. Разве друзья так поступают? Теперь меня ждут неприятности...»

– Хорошо придумано про платок, – похвалил я. – О нем нельзя было не сказать, а представить его как деталь туалета – прекрасный ход. Валерия действительно могла повязать его на шею. И шприц ловко обыграли.

– Старались изо всех сил. Надеюсь, маньяк подумает, что тупые полицейские сочли происшествие банальным ограблением и смертью в процессе драки. Пятнадцать лет назад следователь его упустил, три случая в серию объединены не были. Ну и сейчас о серийщике никто не подумает. Мерзавец же не знает, что дело попало ко мне, бывшему стажеру Бабичева. Он захочет еще раз подобраться к Игорю, вот тут-то мы его и возьмем. Интересная штука! Судьба подстроила так, чтобы ты, мой друг, оказался в нужном месте в нужное время и вызвал в квартиру Стефании Теодоровны именно меня. Ваня, тебе надо подружиться с Гусевыми, стать в их доме своим человеком и узнать, что связывает Игоря с преступником.

– Сущий пустячок! – фыркнул я. И продолжил иронично: – Тефи пригласила меня завтра на вечеринку, и, конечно, во время тусовки Игорь мне тут же все выложит на тарелочке.

– Ты, наверное, плохо понимаешь... – завел Воронов.

Я живо перебил его:

– Прости, но это ты плохо понимаешь, о чем просишь. Судя по твоему описанию, Гарик – классический интроверт, то есть крайне скрытный, бдительно охраняющий личную территорию субъект. Такой человек не разоткровенничается с посторонним. С таким же успехом ты мог бы отправить меня в штаб-квартиру ЦРУ с поручением открыть их главный сейф с секретами. Макс, бывают же невыполнимые задания!

– Ну хоть попробуй, – взмолился Воронов. – В доме еще есть Тефи, Вера, Кирилл, наверняка к ним приходит домработница. Мне-то члены семьи сообщат лишь то, что лежит на поверхности, а ты – другое дело. Понимаешь, в каждой избушке свои погремушки, ими перед полицией трясти не захотят. Иван Павлович зван на вечеринку? Прекрасно. Там наверняка соберутся добрые знакомые Гусевых, послушай их разговоры. Вспомни, как проходят суаре у Николетты...

Я полез за бумажником.

Да, подруги маменьки, собравшись вместе, как правило, предаются одному страшно увлекательному занятию – сладострастно перемывают кости отсутствующей товарке: обсуждают ее наряды, любовников, мужа, вываливают горы сплетен о ней. В процессе беседы одна из дам, допустим Нина, отвлекается, чтобы попудрить носик. Остальные переглядываются и начинают шептаться:

– Уж кто бы говорил про Люсину толстую задницу, только не Нинель!

– Точно, она обожает других судить, а на себя не смотрит.

– Девочки, вы видели ее маникюр? О, майн гот, черный!

– А помните, как в семьдесят пятом году Нинель пыталась выйти за Базиля и расцарапала лицо его матери, когда старуха сказала: «Мой сын прямой потомок декабристов, в нашу семью никогда не войдет дочь коровницы».

– Но ведь у Нины отец дипломат. Он умер, когда дочка поступила в институт.

Раздается дружный хохот, потом следует комментарий:

– Милая, ты не знала Нинусю во времена ее молодости. А мы в курсе. Она родилась у колхозников, все детство коз пасла. Про приличных родителей придумала, чтобы Базиль ее в свою компанию взял. О! Нинуля! Ты вернулась! Боже, смотрите, а вот и Люся наконец-то появилась... Во что это она замотана? В занавеску, которую содрала с кухонного окна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.